ПОЛЫНЬЯ

ВОЙНА ТЕНЕЙ

9

Территория современной словесности

Айвин Рид
Александр Крамер
Алла Кречмер
Андрей Зорин
Валентина Уцеховская
Галина Алфеева
Геннадий Лазарев
Дмитрий Замышляев
Евгений Мирмович
Екатерина Иртегова
Елена Генералова
Елена Казачинская
Игорь Гагин
Ирина Бугрышева
Кирилл Казачинский
Марина Васильева
Мария Балыкова
Мария Герц
Михаил Гаёхо
Михаил Герасимов
Светлана Васильева

Светлана Петровская
Ю_ШУТОВА Ю_ШУТОВА
Юлианна Вадбольская
Юрий Черкасов

Война теней

https://litres.ru/74981954
SelfPub; 2026

Аннотация

Тень — не отсутствие света. Тень — его продолжение, то, что свет создаёт, но не может контролировать.

«Война теней» — сборник рассказов о битвах, которые ведутся в темноте: в подвалах сознания, в умолчаниях истории, на обочине общества.

Реализм, мистика и фантастика здесь говорят на одном языке — языке тени, что знает о нас больше, чем мы сами. Это истории о людях, придавленных чужим молчанием, о встречах, которые не должны произойти, о мирах, где тень обрела плоть и голос.

Мы окружены тенями. И мы сами — чьи-то тени. Эта книга — попытка заглянуть в тень и не отвести взгляд.

Содержание

Добро пожаловать в сумерки 6
Галина Алфеева. ТЕНЬ 9
Михаил Гаехо. КРЮК И КОЛОДЕЦ 25
Елена Генералова. САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ 34
Ирина Бугрышева. АТАМАНКА 46
Михаил Герасимов. СУД НАД МАТЕМАТИКОЙ 76
Дмитрий Замышляев. САЛЛИ 99
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Александр Крамер, Мария Герц, Валентина Уцеховская, Мария Балыкова, Андрей Зорин, Юлианна Вадбольская, Юрий Черкасов, Геннадий Лазарев, Светлана Петровская, Елена Казачинская, Кирилл Казачинский, Екатерина Иртегова, Айвин Рид, Евгений Мирмович, Марина Васильева, Светлана Васильева,

Тень — дитя Света. Сначала она маленькая, едва заметная. Но, как любой ребенок, она растет, становится сильнее, гуще. Темнее. Свет не может ее контролировать, помещать тени стать тьмою. Мы, люди, столь наивны, что считаем тень производной от света, чем-то второстепенным, второсортным, неважным, просто помехой. Стоит ли бояться теней? Они же исчезают, стоит только включить лампу. Так ли это? Может, они просто прячутся и продолжают вести свою скрытую жизнь? Может, они продолжают жить в нас? Продолжают нас? Свои тени мы носим с собой. В себе. И они искажают наше восприятие мира, меняют нас. Да мы и сами являемся тенями друг для друга. Сражаемся с проекциями, строим светлое будущее, забывая, что у каждого света есть изнанка.

Тень — это лакуна в официальной памяти: вычеркнутые имена, умолчания в учебниках, события, о которых «не принято говорить». История — это не только то, что записано. Это ещё и то, что старательно стёрто. И стёртое не исчезает — оно уходит в тень и оттуда наблюдает. Иногда — напоминает о себе.

Тень — это одиночество. Оказаться на обочине света, стать невидимкой, не так уж трудно. Брошенные, забытые… Люди, чьи истории никому не интересны. Ты можешь попасть в их ряды. Тогда придется вести войну за право быть увиденным.

Тень — это то, что мы вытесняем из своего сознания, отказываемся признавать: стыдная зависть, оправданная же-

стокость, спрятанный за агрессией страх. Война с собственной тенью — самая долгая и самая безнадёжная из всех, потому что враг всегда знает твои слабые места. Он — это ты.

Тени клубятся в углах комнат, всплывают в зеркалах, проявляются в старых фотографиях. Шепчут, зовут, говорят с нами без цензуры разума. Попробуй заглянуть в них и не отвести взгляд.

В сборнике собраны рассказы о битвах, которые ведутся на границе света и тьмы — не на полях сражений с их железным скрежетом и пороховой гарью, а в подвалах сознания, в архивной пыли, в трещинах между словами и смыслами.

Закрыв книгу, оглянитесь через плечо и проверьте, на месте ли ваша собственная тень.

Юлия Карасёва,
главный редактор альманаха «Полынья»

Галина Алфеева. ТЕНЬ

Солнце стоит прямо над головой. Оно словно застыло в небе, словно приколочено к нему гвоздями. Солнце… Солнце сжигает тело снаружи, боль сжигает его изнутри. И не понимаешь, где первопричина этой боли — в избитой палками спине, в согнувшейся под тяжестью колодки шее, занемевших от стояния ногах, ссадинах на лице и руках или в горящей от едкого соленого пота и укусов насекомых коже. Или же она поселилась где-то между ребер и хриплыми вздохами вырывается наружу: «Пить!»

Никаких мыслей, никаких чувств не осталось в голове. Голова похожа на закрытый котелок, забытый хозяином на огне, в котором мозг обречен кипеть, пока совсем не исчезнет или не разорвет свое узилище на куски.

Когда его приговорили к колодке, он еще имел надежду. Имел злость и ненависть, и желание жить. Он рассчитывал выдержать.

Неделю спустя от него — молодого, сильного и улыбчивого двадцатилетнего — не осталось ничего. Только истерзанное тело, которое никак не могло умереть. Жажда, голод, побои и унижение не могли, никак не могли убить это тело. Даже отсутствие сна, на которое обрекала его колодка на шее, не убило, а лишь оглушило его. Но он твердо уверился, что

на этой неделе непременно умрет, умрет раньше, чем истечет срок наказания, которое он сначала беспечно посчитал вполне сносным. Солнце убьет его.

Маленькая тучка, должно быть, наползла на светило, и на секунду стало менее больно. Пленник с усилием приоткрыл глаза — левое веко от побоев совсем заплыло и едва открывалось: человек стоит перед ним, это он заслонил собой солнце. Поднять голову мешает канга, и с колен трудно разглядеть, кто это. Нет, это не стражник, который приставлен к ним — следить, чтобы оставались полуживыми, и отгонять совсем уж разошедшихся в издевательствах прохожих. Значит, это какой-нибудь зевака. Остановился просто поглазеть или ударит?

Он инстинктивно втянул голову в плечи, но лишь причинил себе новую боль колодкой. И эта новая боль на короткий миг возродила былую ненависть, и он сделал то, что мог, чтобы разозлить этого человека, чтобы вызвать его гнев и заставить ударить и, если посчастливится, убить его. Убить сейчас. В самом начале второй недели мучений.

Но плевок так и не достиг цели: в пересохшем рту не осталось слюны. Он почувствовал отчаяние и бессилие и опустил голову.

— Не бойся, ты можешь ударить, если хочешь, — сказал подошедший стражник человеку. — Только, чтоб не сдох. Я отвернусь. Ну, бей!

Но человек медлил.

— Это тварь, хуже свиньи и собаки. И ничего таких не берет. Отлежится и снова за свое, поверь — я их за десять лет сотни перевидал.

«Ну, ударь. Ну, ударь, чтоб только прекратить это бессмысленное ожидание. И отойди, дай солнцу закончить дело».

— Я не буду его бить. Видишь, он и так весь в синяках и ранах. Что ему от одной лишней, — подал голос прохожий.

— Твоя правда, — согласился стражник. — Дубленая шкура.

— Я так, немножко рядом постою… Может, чего и надумаю…

— Ну, стой, если хочешь, если времени не жалко. А я пойду в тенек. Припекает уж больно сегодня… Так ты, если он сгибаться начнет, двинь ему покрепче — на пятки садиться или наклоняться не полагается.

— Хорошо. Иди, отдыхай.

Что затеял этот неизвестный? Неужели он полагает, что сможет позабавиться, браня и проклиная колодника? Глупец! Это все потеряло свою силу в первый же день, когда охочая до таких развлечений улица накидывается на новых жертв. Теперь нет такого ругательства, такого злобного проклятия, которое бы могло заставить его мучительно страдать от стыда и унижения, как страдал он в первые дни. Глупый, пустоголовый прохожий!

— Что ты сделал?

Колодник снова с усилием поднял голову. Больное веко дернулось, здоровый глаз уставился на прохожего со злобой, потрескавшиеся губы перекосила гримаса:

— Убил беременную бабу.

Может, он поверит? Может, мгновенная слепая ярость возьмет верх, и он все же ударит?

— За это тебя бы уже давно четвертовали. Лучше скажи правду.

— Я… воровал.

Слова давались тяжело. Но не потому, что было стыдно. Просто рот совсем пересох от жажды.

— Сколько дней ты еще должен стоять вот так?

— Какое тебе дело? Убирайся!

«Ну, ударь…»

— Я хочу заключить с тобой сделку.

Пленник недоверчиво молчал.

— Сделка может оказаться весьма выгодной для тебя. Так сколько дней?

— Семь.

— Отлично. Вот что: если ты угадаешь, кто я и зачем я здесь, я, когда ты освободишься, выполню твою просьбу.

— Любую?

— Такую, конечно, которая под силу человеку — тебе самому, например.

— А если не угадаю? — колодник усмехнулся и облизал почерневшие губы.

— Тогда ты выполнишь мою волю.

— Идет. Ладно, ты бездельник, которого мать родила под забором от дюжины отцов. И ты пришел позабавиться… Угадал?

«Ну, давай, давай, ударь же, наконец!»

— Я скажу тебе, прав ли ты, на закате, — спокойно ответил незнакомец.

И он стоял рядом, пока солнце не стало скатываться за горизонт. Тогда странный прохожий произнес:

— Ты сам знаешь, что ошибся. Не трать своих возможностей понапрасну. Завтра будь серьезнее.

— Кто ты, черт тебя возьми?

— А это тебе предстоит угадать, — засмеялся прохожий и скрылся в вечерней толпе.

Снова кишащая насекомыми тюрьма и скудная порция еды, которую из-за колодки приходится есть как зверю — с пола. И долгожданная лужица воды. И краткие мгновения сна, неизменно заканчивающиеся острой болью, которую причиняют края деревянной канги.

Он не верил, что сумасшедший прохожий, с которым он заключил эту нелепую сделку, придет. Но, когда солнце в полдень снова прилипло к небу, тот снова появился перед ним.

— Ну, придумал что-нибудь?

— А ты настырный…

— Сначала покормлю и напою тебя: раз уж мы заключили договор, ты мне нужен живой.

— Не веришь, что я угадаю?

— Я думаю, что смогу с тобой расплатиться, хотя и надеюсь выиграть.

Молодой вор вздрогнул. Не его ли словами говорил этот незнакомец? Да, ведь, играя в кости, он постоянно сам повторял это. Выиграть… Чтобы выиграть, приходилось играть и играть. Чтобы играть, нужны были деньги…

Он с жадностью приник к теплому горлышку фляги. Стражник в тени усмехнулся и подбросил на ладони монету.

— Ты — человек, который скучает на этом свете. Ты ищешь острых ощущений и легко ставишь на кон жизнь. Ты хотел попробовать что-то новое… Ведь так? — спросил пленник, выпив и съев все, предложенное незнакомцем, и в его голосе уже не было вчерашнего желания разозлить собеседника.

— Таков твой ответ? Ну что ж, сегодня ты серьезнее. Подождем до заката.

И он застыл, скрестив на груди руки. Колодник вздохнул и прикрыл глаза. Если этот человек стоит тут — пусть стоит. По крайней мере, заслоняет его от солнца.

Его вывел из забытья удар стражника.

— Ровно, собака!

— Солнце садится, — сказал незнакомец. — Ты не угадал. Подумай еще. До завтра.

— Эй, ты и завтра придешь? — с удивлением спросил стражник, но человек уже пропал.

— Придет, — прошептал колодник одними губами.

И незнакомец действительно пришел. И вновь принес еду и воду. Но на этот раз молодой вор подготовился к встрече: ночью он, мучаясь и приваливаясь к стене, вдоволь поразмыслил над загадкой. Поэтому, поев и утолив жажду, сказал:

— Нас с тобой что-то связывает. Я, возможно, встречал тебя раньше. Может, ты из тех, кого я обокрал, или их знакомый? И ты хочешь, чтобы я вспомнил и попросил прощения, а потом искупил свой проступок? Тебе мало наказания, которое назначил судья?

— Ты угадал, но лишь отчасти. Половину просьбы твоей я, так и быть, исполню. Попытаешься довести счет до целого?

— Еще бы, — быстро ответил молодой вор.

Солнце садилось, и небо начинала заволакивать ночь.

Теперь дело пошло на лад. Это не трудно — вспомнить тех, у кого ты украл. Все-таки, их не так много.

Он успел обокрасть всего лишь троих, прежде чем попался. И сейчас, даже если он будет ошибаться, то, в конце концов, ответит правильно… И тогда… Все же этот незнакомец просто глуп!

— Ты, должно быть, тоже служил в доме у купца, к которому я нанялся, чтобы ночью стащить что-нибудь ценное. Кажется, я помню тебя. Ты конюх или садовник? И тебя несправедливо обвинили наутро, когда я уже дал деру? Что ж, мне жаль. Извини. Я понимаю, что это неприятно. Но тогда я много проиграл в кости, и меня бы убили, если бы я не расплатился.

Он был почти уверен, что узнал этого человека. Но на закате тот только покачал головой: «Ты обознался. Увидимся завтра».

На другой день молодой вор с нетерпением ждал прихода незнакомца.

— Ты монах, собиравший милостыню, верно? После первой кражи я хотел жить честно, но, когда пришлось раздать все долги, денег у меня совсем не осталось. Новый хозяин обманул меня и выгнал, хотя я месяц отработал у него. Была зима, и я подыхал от холода и голода. И тогда я увидел, что ты едва поднимаешь свой ящик для подаяний… и я схватил его и убежал… Но ведь в монастыре тебя все равно ждали ужин и сон под теплой крышей. Прости, я знаю, что поступил скверно. Но я готов пожертвовать твоему монастырю, чтобы искупить вину.

— Нет, я не монах. До встречи, — ответил незнакомец вечером и снова исчез.

Теперь пленник был уверен, что прижмет его. Конечно, это он — тот ротозей на улице, у которого он украл кошелек.

Но на закате человек снова сказал вору, что тот ошибся.

— Этого не может быть! Ты шутишь со мной! — воскликнул колодник, позабыв, что стражник, сидевший под деревом, может избить его за шум, даже несмотря на монету, которую ему, как всегда, сунул незнакомец.

— У тебя осталось две попытки, — напомнил человек прежде, чем уйти.

«Он шутит со мной. Он просто хочет посмеяться. Ему не купить раба и не нанять слугу — у него нет для этого денег. Он увидел меня, стоящего всю неделю на площади, и решил таким образом получить надо мною власть, — думал молодой вор, сидя в тюрьме. — А если, все же, есть еще что-то… Чего я не помню… Может когда-то, в детстве… Может, я не украл, но просто обидел его чем-то?» И он снова и снова перебирал в памяти все свои недобрые поступки и удивлялся, как все-таки много он успел сделать людям плохого.

И на следующий полдень, когда незнакомец опять загородил собой солнце, он сказал, но уже неуверенно:

— Ты, наверное, отец мальчика, которого мы с друзьями дразнили и били, когда были детьми. Он был слабый и трусливый. И часто плакал. И, чтобы мы пропустили его, когда он встречался нам по пути, отдавал все деньги, которые у него были с собой. Мы покупали себе сладости и не думали, что, может быть, в этот день он остался голодным или родители наказали его…

Солнце медленно двигалось к краю неба. Молодой вор с тревогой ждал ответа незнакомца.

— Нет. Ты снова не угадал. Подумай хорошенько, остался один день…

Когда незнакомец пришел и, как обычно, предложил ему еду и воду, пленник отказался.

— Я не помню тебя и не знаю, чем обидел. Но если обидел — прости меня. Я проиграл.

— До заката еще много времени. Подумай, я не буду тебя торопить.

Вот и прошла неделя, последняя неделя, как он думал. Через несколько часов он получит свободу. Но что свобода, когда его судьба в руках этого странного человека, появляющегося в полдень и исчезающего на закате! Он не попросит какого-нибудь пустяка. А что он попросит? И вор сам себе со страхом ответил: «Твою жизнь».

Но потом и страх прошел. Разве имела его жизнь какой-либо смысл? Разве был он свободен? В начале, стоя на площади, поносимый толпой, без еды и питья, в то время как на его глазах другим провинившимся друзья или родственники подносили пищу и воду, он понял, что ни один человек в этом городе не проявит к нему жалости. Сначала это вызвало в нем гнев, потом презрение и безразличие, а сейчас, когда он каждую ночь вспоминал свою прежнюю жизнь,

он понял, что ничего удивительного в том нет. И, если бы не этот странный человек, предложивший ему сделку, он бы умер. И смерть эта была бы совершенно справедливым концом. «Отлежится — и снова за свое», — вспомнил он слова стражника. Так для чего ему продолжать жить? Ведь, попадись он в следующий раз, наказание будет куда мучительней. Пусть уж этот человек возьмет его жизнь сейчас…

На душе у него стало печально и спокойно. Он уже не закрывал глаз и старался напоследок насмотреться на окружавший его мир.

На закате стражник подошел и снял колодку и цепи.

— Смотри у меня! В другой раз живым не уйдешь! — дал напутствие он напоследок.

Бывший пленник и незнакомец остались на площади. Молодой человек наконец-то смог лечь на землю. Незнакомец сел рядом с ним. Некоторое время они молчали, потом незнакомец тихонько тронул лежащего за плечо:

— Солнце садится. Ты что-нибудь вспомнил?

Тот отрицательно качнул головой.

— Есть еще один человек, у которого я взял деньги. Но ты не имеешь к нему отношения. Это точно. Твоя победа. Приказывай — я сдержу слово.

— А что за человек, которого ты упомянул? Расскажи, пока еще солнце не зашло.

— Ладно, как хочешь. Это мой отец. Мы жили небогато, и, чтобы откладывать деньги впрок, отцу приходилось много

работать, а всей семье экономить. С самого детства я редко видел его и всегда думал, что из-за его упрямого желания скопить деньги страдаем я и мать. И в один день я решил отомстить ему. Я взял деньги из отцовских запасов и ушел с ними из дома. Я сказал себе, что это мое наследство, с которым я начну в другом городе новую жизнь. Вот так, — он сел. — Смотри — солнца больше нет…

— Тогда я могу рассказать тебе правду. Ты помнишь день, когда ты пришел с отцовскими деньгами на постоялый двор, где хозяин собирался спилить липу, потому что она была старая и засыхала, и почти не давала тени?

— Помню.

— А что было потом?

— Я дал хозяину золотой и попросил подождать еще год.

— Ты верил в то, что старое дерево способно возродиться?

Молодой человек слабо улыбнулся.

— Нет, не верил. Но тогда мне хотелось думать, что я совершаю чудо. Хотя бы для этой липы.

— Ты знаешь, год спустя твой отец приезжал в эти места и расспрашивал, не видел ли кто тебя.

— Правда?

— Да, он очень беспокоился о тебе. И хозяин вспомнил по его описаниям юношу, выкупившего у него липу, подвел твоего отца к дереву, которое было покрыто густой листвой, и рассказал эту историю.

— И что отец? — тихо спросил молодой человек после паузы.

— Он потом долго сидел один под липой. Кажется, он плакал. Он сказал: «Как бы я хотел, чтобы когда-нибудь мой сын узнал, какую тень может отбрасывать это дерево».

Незнакомец замолчал. Молодой вор отвернулся и опустил голову: в темноте никто не увидит, как по щекам его катятся слезы…

— Я… я… хотел бы попросить… прощения у моего отца, — заикаясь, сказал он. — Ведь ты обещал мне половину просьбы…

— Хорошо, ступай к нему, — просто разрешил незнакомец. — А мне пора. Завтра утром тень липы должна быть на своем месте…

Он встал и пошел прочь.

— Постой! — испуганно крикнул ему вслед молодой человек.

— Что такое?

— А твое желание?

— Ну, я думаю, ты исполнишь его. Это то, о чем ты подумал, когда просил отпустить тебя к отцу… вторая половина…

— Никогда больше?..

— Никогда, — твердо сказал незнакомец. — Но я буду ждать тебя на постоялом дворе. Я надеюсь, тебе каждый год найдется, что рассказать мне. Ведь у вас, у людей, в жизни

происходит много всего интересного.

Михаил Гаехо.
КРЮК И КОЛОДЕЦ

По ночам Лыкову снились кошмары.

И что-то такое продолжалось, даже когда он просыпался.

Он просыпался в поту, с готовым уже криком на губах — и словно посреди какой-то тьмы внутренней, не видя, не помня содержания своего сна, и только по косвенным признакам, остаточным своим ощущениям догадываясь, что нечто кошмарное снилось. Он открывал глаза, из внутренней темноты переходя в ту, что снаружи, выпуская воздух из легких — не с криком уже, а с всхлипом. И каждый раз видел справа в ногах кровати высокую тень, словно длинный плащ висел там на потолочной балке. А по левую сторону кровати тут же возникала другая тень, как бы вплывая в комнату из открытого по причине ночной духоты окна.

Лыкову становилось жутко. Глядел, замирая от страха. Тени были неподвижны, но в то же время казалось, что изменялись. Или это мерещилось Лыкову? Правая вроде бы становилась ближе, потом отдалялась, потом опять вырастала — с размеренностью движений маятника. Левая кривилась зигзагами, как отражение на водной поверхности.

Лыков неверной рукой искал на стене выключатель, не от-

водя застывшего взгляда от того, что стояло перед глазами. Находил не сразу, и, уже почувствовав под пальцем включающую свет кнопку, слышал обращенный к нему тихий голос:

— Михайлыч.

Когда зажигался свет, исчезали тени, и страх исчезал, как будто и не было ничего на этом месте.

Лыков вставал, пил воду из чайника.

На потолочной балке в ногах кровати был вбит крюк — над тем, кажется, местом, где тень колыхалась. А во дворе был колодец, Лыков видел его край в полосе падающего из окна света. И крюк, и колодец были как-то связаны с возникающими у кровати призраками, смутно чувствовал Лыков. Наверное, что-то такое снилось в тех снах кошмарных.

Походив по комнате, Лыков ложился, гасил свет и оставшуюся часть ночи спал спокойно, без сновидений.

«Это все пустое виденье, — думал Лыков при свете дня, — плод воображенья, в конечном счете, и ничего объективно страшного в нем быть не может».

«В следующий раз не буду включать свет, — решил он как-то, — не стоит мешать процессу. Пусть дойдет до логического конца, тогда, может, все само собой прекратится».

Следующей ночью, когда Лыков проснулся (в том самом холодном поту), он взял себя в руки. «Не боись, Вася», — сказал он себе. Но страх оставался — телесный, не рассуждающий. «Наверное, у меня будут трястись коленки, если вста-

ну», — подумал Лыков и сел, спустив ноги с кровати. Коленки задрожали. Он снова лег, накрылся одеялом, смотрел, как бесформенная, не определившаяся еще в очертаниях, тень медленно просачивается в окно (другая уже раскачивалась под потолком). «А когда лежу, не трясутся», — отметил Лыков, и стало как-то спокойнее.

— Михайлыч, — донесся до него замогильный голос.

— Знаю, что Михайлыч, — сказал Лыков, обозначая готовность к общению, и убрал оказавшийся уже на кнопке выключателя палец.

— Лютик Михайлович, — донесся голос с левой стороны (а первый голос, стало быть, был с правой).

Лютиком Лыкова звала мама, когда он был маленьким.

— Что надо-то? — спросил Лыков.

— Это тебе надо, Лютик Михайлович, — сказал голос слева.

Лютиком в детстве Лыкова называла мама, (это было сокращенное от «Людвиг», хотя вообще-то его назвали Васей).

— Не засиделся ли ты на одном месте, Михайлыч? — сказал голос справа.

— На каком еще месте? — спросил Лыков.

— На этом самом, — сказал голос. — Ну, посадил дерево, построил дом, воспитал сына. Что еще надо человеку?

— Не было ничего, — возразил Лыков, — ни сына, ни дерева.

— Так ведь и не будет, Лютик Михайлович, — сказал го-

лос слева.

— И дом этот не твой, — сказал правый.

— Дерево могу посадить, — предложил Лыков.

— Уже не можешь, Лютик Михайлович, — вздохнул голос слева.

Лютиком Лыкова в детстве звала мама, наверное, потому, что бабушка хотела назвать его Людвигом.

— Есть дом, — сказал правый голос крепнущим басом, — в этом доме комната, в комнате балка на потолке, в балке железный крюк.

— А у дома колодец, — сказал левый.

— На этом крюке повесился мой дедушка! — взвыл правый голос.

— В этом колодце утопилась моя бабушка! — простонал левый.

Угораздило меня снять комнату в доме с привидениями, подумал Лыков и вспомнил хитрое, как ему сейчас казалось, лицо хозяина, Егора Васильевича. Не прост был дядя.

— Выбирай, Михайлыч, куда двинуться, в ту сторону или в эту.

— Мне, собственно, и тут хорошо, — сказал Лыков.

— А хорошо ли, Лютик Михайлович? Который ведь год ничего нового. Ну проживешь еще пять лет, еще десять, а где смысл?

«Или все же галлюцинации?» — подумал Лыков.

— Привидения, галлюцинации — не один ли хрен, — ска-

зал голос справа. — Два имени для одного и того же. А тебе — время сделать выбор.

— Зачем выбор? — спросил Лыков.

— Закончить все по-быстрому и начать с чистого листа, разве не хочется?

— Сбросив оболочку бренного тела, отправиться в большое путешествие, — сказал левый призрак.

— В путешествие, да, — подтвердил правый. — В миры, миры надзвездные, — запел он, раскачиваясь.

— В глубины духа… — левый стлался горизонтально, как дым из кувшина.

Лыков протянул руку к кнопке выключателя и сразу попал на нее пальцем.

— Подожди, — оба сказали хором. — Не бойся нас.

«Не боюсь», — сказал себе Лыков и убрал палец. Но мурашки все же пробегали по коже.

— Крюк, — сказал голос справа.

— Колодец, — прошептал левый.

— На этом крюке повесился мой дедушка, — прокричал правый призрак и, раскачавшись, соскочил вниз, стукнув о половицы, словно наполненный реальным весом. — Выбери крюк, и тебе позавидуют боги.

— В этом колодце утопилась моя бабушка, — левый соскользнул за ним следом, в приседе вытянув руки вперед, как гимнаст, прыгнувший с перекладины. — А на дне колодца тебя ожидает особенный приз.

— Недаром бог Один висел на дереве девять дней и ночей, принеся себя себе в жертву, — сказал правый.

— Кто повесился, тот еще оглядывается на этот мир, утопившийся уходит дальше, — сказал левый.

Они оба прошли в глубину комнаты, двигали там стулья, звенели посудой. Лыков услышал шум льющейся воды из чайника. Он захотел встать, но из-за непонятной слабости не смог, только сел на кровати.

— Конечно, Михайлыч, можешь подождать, как говорится, своего часа, но ведь он, Михайлыч, может наступить неожиданно…

Этот голос Лыков слышал по-прежнему справа, а другой — слева.

— Наступит твой час неожиданно, Лютик Михайлович, и будешь застигнут врасплох, Лютик Михайлович. — Лыков вспомнил маму, которая в детстве звала его Лютиком. — Не лучше ли, пока ты в уме и памяти, поступить, как хозяин, сделав сознательный выбор?

— Крюк, — подвывая, сказал голос справа.

— Колодец, — простонал голос слева.

— Брось, — сказал правый левому, — разве мы друг с другом не договоримся? — Кроме того, — обратился он к Лыкову, — если ты сейчас сделаешь выбор, у тебя будут два помощника.

— Да, — отозвался левый, — поможем ему.

— Прямо сейчас и поможем, — сказал правый.

Лыков почувствовал, как его берут под локти, помогая подняться. Вывели во двор. Лыков почти не сопротивлялся.

Начинало светать.

Лыков увидел перед собой колодец, почувствовал, что сидит на краю, ощутил влажную петлю у себя на шее. Между этими моментами восприятия не было переходов. Так бывает во сне, но было ли это сном?

«Каково это, повеситься и утонуть одним разом», — подумалось отстраненно.

Лыков оглянулся по сторонам посмотреть на своих провожатых, и не увидел ничего на их месте. Была темнота справа и темнота слева, пустота — бесконечно чуждая, только для прикрытия использовавшая на краткое время человеческий облик и голос. Липкая, тянущая внутрь себя, сковывающая движения. И оттуда слышны были не голоса, а странные звуки — шип, треск, скрежет. С этим — Лыкову стало ясно — нужно было не спорить, не вступать в разговор, а бежать, не соприкасаться, доверяя первоначальному страху.

Но было поздно. Лыков уже падал вниз, в черный вертикальный тоннель, с криком на губах — как во сне том кошмарном, но напрасно надеясь проснуться.

Елена Генералова. САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ

Первая неделя июля подкатывалась к концу. С потолка над прилавком прямо из прошлого века свисали лопасти вентилятора и вяло вращались. Расталкивая зной по углам зала, они развлекали скорбным вальсом налипших на спиральную ленту мух. Последняя зеленая навозница одурело бодала сияющие квадратики магазинного окна. На обшарпанной стене у двери висел календарь «Шедевры живописи Возрождения», ржавый гвоздь пронзал льняное небо на триптихе Босха. Через выложенные конусами сушки, печенье и виолончельное гудение мухи Наталья видела, как к магазину приближается Иван Петрович. Пиджак перекосило неуместно застегнутой пуговицей, кепка сползла набекрень. Шаркая одной ногой и загребая другой, он ввалился через порог с залитой зноем улицы в сырую мглу магазина.

— Добрейший, Натальюшка! — расплылся он в масляной улыбке. — Какое у тебя изобилие, какая красота! Просто сад земных наслаждений! Матушка, добренька, продай-ка мне чекушку!

Наталья поправила фартук под тяжелой грудью, свернула губы в красной помаде трубочкой, языком протолкнула

сквозь нее комочек жвачки, склеила и разлепила его в пальцах и насадила липкий шарик на перемычку под прилавком.

— Продать, Петрович? Твоя пенсия еще позавчера закончилась. На вобле. Не помнишь?

— Дочка, милая, — медовый тон Петровича немедленно сменился нытьем на нудной высокой ноте, — пожалей старика! Сижу один дома, как сыч… Выпить не с кем… Еще неделю, а дадут пенсию-то, даду-ут! Ты дай мне чекушку в долг. Я мигом тебе верну. Сникерс тебе куплю, а? Помнишь, как маленькой со Светкой ко мне прибегали за конфетками? Ну, отпусти… век благодарен буду!

— Сникерс! — Наталья криво усмехнулась. — На кой мне твой сникерс? Я помню, пооомню: как Вера Кузьминишна твоя нас стухшей тряпкой гоняла, а потом и тебя трезвости ею учила. Ладно, давай в залог паспорт, забирай бутылку. И колбасы вот возьми, хоть закусишь.

Стараясь не дышать щедро выдыхаемой стариком благодарностью, Наталья протянула ему пакет с покупками и брезгливо стряхнула с прилавка замусоленный документ в открытый ящик. Петрович кланялся и пятился, пока не уперся спиной в обитую облупленным дерматином дверь. Вслепую нашарил ручку и со скрипом обменял себя на облако знойной золотистой пыли, застывшей на некоторое время у входа и осевшей на дощатый пол. От взмаха двери календарь пришел в трепет и сухо зашептал раскрытым июлем, на котором корчились в судорогах обнаженные человеческие

тела.

Сухой пыльный треск раздался за окном, как только дед скрылся из виду. Рыжие вихры в клубах сизого вонючего дыма замельтешили прямо под окном. Пашка-Малой пристраивал блестящий горячий мотоцикл к стене у двери, как когда-то свой щербатый велик.

— Наталь Иванна, привет! — Пашка распахнул дверь и ввалился внутрь, хлопая грязными ладонями по широким шортам. Рыжий волос щедро покрывал его крепкие икры и руки, оттопыривал на груди ворот растянутой тельняшки с темными овалами пота на боках и под грудью. — Чем порадуешь?

— Тебе и без меня радостно, Павлик, — Наталья встала, уперев руки в боки. — Чем богаты — все на витрине. Выбирай, не спеши.

Павел взял коробку вишни на коньяке, бутылку шампанского и, помявшись, показал на баллончик взбитых сливок.

— Клубничка поспела у вас, что ль? — спросила Наталья, усмехнувшись.

— Да, теть Нат, полны грядки, — Пашка еще улыбался.

— А ты что посередь дня шляешься? Огород на кого бросил? Катька-то твоя что — опять в город уехала? — Наталья подняла голову от кассы и посмотрела прямо в его распахнутые в белесых ресницах глаза, от которых во все стороны разбегались веснушки. Улыбка чеширского кота еще сияла на его лице, а глаза уже не смеялись.

— К матери поехала, Темку надо врачу показать, — куда-то в пол ответил Пашка, с силой растирая свободной рукой пыль, налипшую на влажную раскрасневшуюся шею. Пакет с продуктами он зачем-то старательно прятал за ногу. — Теть Нат, я кошелек забыл…

— Ладно, давай паспорт. — Наталья отошла к окну, за которым вдалеке синел лес. Солнце начинало золотеть, но пока нещадно жгло, даже сквозь стекло. Она стерла со лба выступившую испарину. За ее спиной Павел шлепнул на прилавок пижонскую кожаную обложку и боком протиснулся в приоткрытую дверь. Мотоцикл он завел уже за соседним домом.

Еще полчасика, и можно закрывать лавку, лениво подумала Наталья. Дверь скрипнула снова, она обернулась. В дверях переминался с ноги на ногу Сергей. Близоруко щурясь, он долго разглядывал ценники над головой Натальи. Она молча смотрела на него — волосы с проседью, покатые плечи. Крепкие руки, на ногах — легкомысленные сандалии на носок, бейсбольная бита шелушится на футболке.

— Привет, Наташ, — сказал он, старательно изучая грядку полинявших ценников над ее головой. — Как жизнь?

— Твоими молитвами! — не удержалась Наталья, глядя прямо в его выцветшие глаза и цокая красными блестящими ногтями по прилавку. Он вздрогнул и скомкал в руках пустую авоську. — Ну, выбрал? Чем тебя порадовать?

— Завесь мне сахара три кило, хлеба черного и белого, и сосиски, вон те, молочные. — Сергей расправлял и снова

комкал авоську, пока она шуршала пакетами и с коротким сухим шелестом раз за разом с силой вонзала алюминиевый совок в сахар.

— Что на огороде? Картошку всю окучил? — бросила Наталья через плечо.

— Куда там, всю… Еще пол огорода! — со вздохом ответил он.

— Тю, да что там твой огород! Делов-то… Хорошая баба сядет — попой закроет! — Наталья сама удивилась противному скрежету своего голоса, помимо ее воли воспроизводящему слова и интонацию ее матери.

— Как дела у Ольги твоей? Как Егорка? — Наталья то досыпала, то отсыпала сахар, покачивающийся в прозрачном пакете на весах.

— У Егора каникулы, целый день на речке. Оля варенье крутит, ягоды много в этом году, — Сергей отвечал, как заученный урок. — Тут такое дело, Наташ…

— Да понятно все, три дня до получки. Ты знаешь правила, — она протянула к нему руку и поверх очков в тонкой золотой оправе смотрела, как он суетливо хлопает по карманам, засовывая в джинсы и доставая обратно несчастную авоську. Паспорт он сунул под весы, старательно обходя взглядом ее мягкую смуглую ладонь без колец.

— Спасибо, Наталья. Будь здорова! — уходя, он бухнул потяжелевшей авоськой о дверь, которая протяжно заскрипела, открываясь. Снова бумажно вздохнул Босх.

***

Наталья вошла в свой дом на закате. После работы она сходила на реку, и вода с мокрых волос пропитала платье, кожа приятно пахла тиной. Большую комнату прошивал наискось рыжий закатный свет. Нагретый дощатый пол горел под ее босыми ступнями. Дом ластился к ней, как старая линялая кошка. Она погладила ладонью шершавую раму, распахивая окно, расправила васильковые занавески. В траве под яблоней рассыпалась первая падалица. Невидимые кузнечики яростно распиливали дневной жар на мелкие щепочки. Есть не хотелось, и Наталья щелкнула кнопкой чайника. В горке стоял чайный сервиз тонкого фарфора, который она когда-то привезла матери из города. А сама всегда пила из одной и той же старой огромной чашки, расписанной малиновыми капустными розами, с голубем на донышке. Золоченый ободок стерся там, где его год за годом касались ее губы. Наталья бросила прямо в чашку щепотку прошлогодних трав, развешенных бурыми веерами по стенам, вытянула из шкафа книгу с закладкой и уселась с ногами в кресло у окна.

Когда она подняла голову от страниц, ночь уже тяжело ворочалась в яблонях за окном, придавливала зной холодной влагой. Наталье не спалось. Она сидела у окна, ее отражение в темном стекле напоминало ей размазанную по тарелке мамину безвкусную манную кашу. Во влажной теплой черноте одиноко плавился масляный кругляш полной луны. Где-то на другом конце деревни отчаянно залаяли собаки.

Большой город снился ей иногда белыми ночами и распахнутыми окнами, но уже не ждал. Чай остывал на подоконнике, пах баней и язычком пара лизал черный леденец стекла. Дом пощелкивал, отдавая тепло. Бойкая секундная стрелка часов милосердно сматывала в клубок ее постылое время.

Наталья достала из стола стопку паспортов в разноцветных обложках. Открыла каждую на странице с фотографией и фамилией, расставила рядком, повернула к себе черно-белые лица. Почти все село привычно собралось в ее горнице. Вся их жизнь у нее на глазах. Наталья зажгла свечу, сощурилась, глядя сквозь ее пламя в подрагивающие, оживающие лица своих должников, отхлебнула чай.

— Ну что, соседушки, пригорюнились? Давайте-ка поговорим. Вот, скажем, если бы вы могли изменить одно событие в своей жизни — только одно, на выбор? Как бы все повернулось? Вот ты, Иван Петрович, что бы делал сейчас, если бы успел тогда вызвать скорую теть Вере? Так и ругал бы ее, спрятавшую твой самогон в крапиве? Или косил бы траву, и тогда она ни за что не продала бы козу Машку? Сегодня пей, дядя Ваня, выпей всю свою горечь и остановись.

Наталья растерла в пальцах сухую веточку полыни, пыль защелкала, сгорая на язычке свечи.

— А ты, Пашка? Где бы ты был сейчас, если бы мать отпустила тебя в техникум в Москву? Помни, сладка ягодка в своем только огороде. — Наталья достала из чашки распаренную солодку, наклонила свечу и капнула на нее расплав-

ленным воском, скатала мягкий теплый шарик и покатила по столу.

Растаявший воск капал в остывший чай, замирал слезами на пальцах Натальи, пока она лепила из пламени и памяти жизнь, которой не было. Свеча растаяла, и мрак летней ночи опрокинулся на ее молчаливых гостей, оставленных пристыженным рядком на столе. Скрипнула сетка старой кровати. Наталья ворочалась во сне, отталкивала жаркую подушку, отгоняла ладонью комара, стонущего прямо в ухо.

Нет, это мычит Иван Петрович. Он подставил морщинистое лицо под струю воды, бьющую из хобота синего слона. Он захлебывается, хрипит, силится отойти, но не может, прикованный ржавой цепью к необъятному хоботу.

А за ним Павел, сжимает в рыжих объятиях соседку Полинку. Просовывает спелую клубнику в ее пухлые губы, целует, пьет красный сок. Поверх плеча Полинки он видит жену Катю, идущую к ним из-за деревьев, но не может остановиться. Аромат течет по его горлу, а Полина растет в его руках, наливается красным, холодеет, закрывает Катю, и солнце, и небо. Она лопается с мотоциклетным треском, орошая траву красным. В руках Пашки остается маленький скользкий комочек — новорожденный голенький Темка, но с лицом Кати. Она плачет и смотрит на него с укором. Он смотрит на свои руки и ему стыдно, что под ногтями у него коричневые ободки засохшего клубничного сока.

Павел тает в мутном воздухе. Его заслоняет большой стек-

лянный шар. В нем Сергей. Он улыбается и машет ей. Наталья делает шаг навстречу и бьется лбом о холодное стекло. Сергей больше не улыбается. Он уже не один — прижал к себе голубоглазую Олю. Они целуют друг друга, закрыв глаза. Горячие слезы текут по щекам Натальи, она кричит и молотит кулаками по стеклу. Это она, Наталья, должна быть там! Почему она здесь, снаружи? Шар сотрясается, идет трещинами. Сергей смотрит на нее с ужасом, обнимает Олю. К их ногам жмется худенький мальчик. Сергей выставляет ладонь вперед, пытаясь укрыть себя и семью от осколков распадающегося стекла. Наталья пытается стянуть обратно, склеить треснувший под ее руками стеклянный свод. Но воздух снаружи уже проник в него, они задыхаются там, и она ничем не может им помочь.

***

В доме напротив мечетсяо холодной печи старик. Чекушка со звоном падает, он открывает глаза, протягивает руку и жадно пьет воду прямо из ковша. Он никак не может напиться, и на месте шкафа ему мерещится синий слон.

Ниже по улице Пашка проснулся в чужой постели. Запах клубники душит его, под ногтями застыли коричневые полукружья.

На самом краю деревни ворочается на диване Сергей. Он снова молод и влюблен. Красивая девочка, смеясь, выглядывает на него из-за дерева. Покажется слева — брюнетка. Покажется справа — блондинка. Снова слева — кареглазая. И

опять справа — глаза голубые. Он бросается к ней, хватает за плечи, хочет заглянуть в лицо. Ее ладони холодные, как у русалки. Она рассыпается в его руках со стеклянным смехом, и осколки впиваются в его легкие тысячами игл. Он кашляет и просыпается. Оля, живая и теплая, гладит его по плечу, подает стакан воды и ингалятор.

В комнате Натальи светает. На стене над столом висит в резной раме репродукция рублевской «Троицы». А под ней булавкой пришпилено выцветшее фото на бумаге Кодак. Теряющий краски, совсем юный Сергей держит ее на руках, тонкую и загорелую, ее черные волосы свисают почти до земли. Оба хохочут. На обороте надпись: «Самой красивой девочке на свете, которая едет в Ленинград учиться, а вернется все равно ко мне! Люблю, Сергей»

Ирина Бугрышева. АТАМАНКА

Атаманка. Смешное слово. Смешное странное слово. Пахнет летом, бабушкиным домом, каникулами, каким-то странным атаманом. На атаманке спал, как полагается, атаман — дядя Федя. Папа моей двоюродной сестры Вики. Огромный, около двух метров, с волосатым животом, за завтраком он легко съедал десяток яиц и шел на службу, в милицию.

На атаманку дядя Федя полностью не помещался — или сгибал ноги в коленях, и тогда его колени возвышались, как два Эвереста, или вытянутые ноги перекрывали выход из гостиной, — и, если ты хотел выйти из дома, нужно было исхитриться — пролезть под ногами-шлагбаумами по-пластунски — так, чтобы не задеть и не разбудить дядю Федю.

— Сам-то со смены, — строго говорила нам, малькам, бабушка, — хлудину возьмет, мало не покажется.

А потом Викина мама, тетя Лариса, развелась с дядей Федей. Атаманка лишилась своего атамана. Иногда, не часто, мы встречали его на вокзале, где он дежурил в милицейской форме. Семи яиц на завтрак хватало всей семье. Перед сном я тихо мечтала, чтобы атаманкой выбрали меня (ну раз есть атаманы, то должны же быть и атаманки), и чтобы мне досталась атаманка, но… Но предлагать свою кандидатуру на

роль атаманки мне не хватало духу. И атаманка пустовала.

На атаманке сидели, когда смотрели телевизор; на ней играли в карты; облокотившись о нее, чистили яблоки на компот и сушку. И еще — на ней никто никогда не спал. Если только бабушка, вздремнувшая случайно, под телевизор. Или нагрянувшие издалека гости.

Я не помню, как приехал Серега. Не помню его поезда или автобуса, ничего такого. Вместо этого в моей памяти — залитый солнечным светом (таким, что никуда от него не деться) кирпичный дом. Солнце прожигает шторы, с каждой минутой гоня прочь ночную прохладу — и хочется босиком выйти во двор, чтобы съесть пока еще не горячее яблоко с ветки, и пить хочется тоже, но сначала — в туалет. И вдруг — вдруг я замечаю, что атаманка не пуста — на ней лежит Тарантул, потягиваясь сонно, улыбаясь, и…

…и будто летишь с горы — так, что только в ушах свистит. Я тут же вспомнила, что Тарантул приехал вчера, и мы обещали маме порвать все яблоки и абрикосы, что еще остались на деревьях — и только потом бежать на пляж, и что мы все проспали — ту утреннюю прохладу, по которой яблоки и абрикосы рвать в радость, и сами виноваты. Внутри, под майкой, вдруг стало жарко-жарко, так, будто там тоже светило солнце — ровно такое же, что прорывалось сквозь ставни, а то и сильнее, и…

…— Сдавайся! — я прыгнула в сторону атаманки, ухва-

тившись за край Серегиного одеяла, чтобы его стащить.

Серега хрипло расхохотался:

— Еще чего!

С кухни закричала мама:

— Ира! Подойди!

Спустя пять минут на сковороде шкворчало масло, Серега в плавках профланировал под окном кухни в сторону конца двора, где притаился туалет, мама полушепотом передавала мне ценный опыт: «Нельзя по утрам стягивать одеяло с мальчиков! Нельзя! У них физиология!»

— Какая физиология? — не понимала я.

— Ну, какая! Обычная физиология! Сереже может быть неудобно, тебе может быть неудобно, так устроено!

Так устроено. Ну и ладно.

— Серееееж! — позвала Тарантула бабушка, и я вздохнула: теперь это надолго. На завтрак Тарантула можно не ждать. Если он понадобился бабушке, это, считай, до обеда. Потому что там, где надо спилить сухую ветку, там и вторая ветка, и пень, который надо выкорчевать, и засорившаяся после дождя балка, и…

— Сереж! — я вынесла Серегин чай и бутерброд на улицу. — Вот тебе подножный корм!

— Тогда и сигареты принеси из дома, в сумке, в боковом кармане! — улыбнулся Тарантул так, будто мы заговорщики.

Сейчас, послешкольным летом, Серега выглядел уже совсем не как школьник. Нет, не как школьник. По-другому.

А как? Как, я не могла точно сказать. И дело даже не в сигаретах — он и в школе курил, и в десятом, и в одиннадцатом. Дело в другом.

В боковом кармане сумки лежали сигареты — три пачки. Я достала открытую. Вместе с ней выскользнул листок, где был написан бабушкин адрес: «7 Садовая площадка, д. 5». У меня замерло сердце — все свободное от адреса пространство листка занимал мелкий узор из сердец и стрел. Может, Серега послал меня вовсе не за сигаретами, а за этим посланием?

Вряд ли.

Я вынесла Сереге на улицу сигареты. Солнце уже шпарило вовсю. Ужасно хотелось занырнуть в море прямо сейчас. Да, прямо сейчас. И чтобы уплывать от Сереги что было сил, и чтобы он не мог догнать, и чтобы, догнав…

...Мы сидели в моей комнате. В той, что осталась за Полярным кругом. Тарантул — вольготно развалившись на кровати, я — напротив на стуле, вытянув ноги на кровать.

Серега лениво листал первый том Бонка. Вдруг он откашлялся и как-то театрально прочел название заметки в книжке: «Дуглас энд Люси». Это прозвучало интригующе и многообещающе. И еще мне нравился Серегин хрипловатый голос. Я даже отвлеклась от своей открытой на первой попавшейся странице «Динки» Осеевой. Но Серега уже и думать забыл про Люси.

— Слушай, а давай будем заниматься английским? И польза будет, и отмаза — типа я к тебе по делу прихожу, а не тупо на гитаре побренчать.

Я покачала головой. Реферат по географии, Последний звонок, выпускные экзамены, поступление в институт. Тут бы без Бонка как-то выплыть. Если бы полгода назад — другое дело. Нет, на фиг.

— Чо улыбаешься? — спросил Серега.

— Да… Тут. Ты же не читал «Динку»?

— Не-а. Читай вслух.

— «У нас в семье с давних пор так уж повелось, что, когда кто-то слишком долго отсутствует или надо спешно вызвать его, то мы посылаем короткие строчки:

Ему ты песен наших спой,
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему, и он вернется…

Одним словом, для каждого из нашей семьи достаточно одного слова: емшан!»

— Емшан? — переспросил Серега.

— Ага, — кивнула я. — «Степной травы пучок сухой».

— Ну, ясно. Пойду, покурю.

Серега вышел на лестницу. Я поставила Бонка на полку. Постояла в задумчивости. И решительно отправилась в гостиную за нужным для реферата томом «Страны и народы».

Серега застал меня сидящей на полу среди уймы толстых

книг:

— Чего ищешь?

— Белиз.

Тарантул уважительно и значимо помолчал.

— Столица? — спросила я его тоном географички.

— Белиз! — ответил Тарантул невозмутимо.

— Один ноль. Бельмопан. Хотя Белиз в Белизе тоже есть. Кажется, он даже больше Бельмопана.

— Вот и я о том же!

Прошло минут пять. Меня осенило:

— Кстати, мы играли на желания. Мое желание — бросай курить!

— Хрен тебе. Не сейчас. Где Белиз и где мы? Сидишь тут на полу за Полярным кругом с видом на вечную мерзлоту и диктуешь мне условия. Может, это мой способ согреться! Ты же меня не греешь!

***

Серега курил и пил квас из литровой кружки, как взрослый мужик. Бабушка суетилась вокруг:

— Сереженька, и еще на чердак надо слазить, посмотреть там потолок, мне не нравятся подтеки в прихожей.

Все это было… Все было, как в жизни, а не как в романах про любовь, что случаются сразу после школы. В романах — красивые тарелки, высокий штиль, долгие взгляды. А мы носились между абрикосами, покраской калитки и морем. Успевали отвезти бабушку на базар. Пока она торговала, по-

купали картошку, синенькие, зелень. Мясо, рыбу и курицу покупала, поторговавшись с продавцом от души, мама. Или Армен, армянин, что снимал у бабушки комнату. Вечером, усталым комариным вечером, поужинав во дворе, разжигали уже в сумерках самовар, пили чай, полулегально добавляли туда дешевое разливное вино, даже не вино, а так, портвешок, перемещались к скамейке, которая стояла около калитки. Серега вставлял в магнитофон кассету, многозначительно говорил: «Чамэй». И дальше полагалось молчать. Да, если честно, и не хотелось ничего говорить уже. Было хорошо.

***

Хорошо было все — вот эта усталость после долгого дня, надвигающаяся прохлада ночи, дым самовара, что отгонял мошек, терпкий вкус в чашке, едва различимый шум в голове, Серегина рука, что лежала то на плече, то — дерзко! — на колене, и вот эта космическая мелодия, что и сейчас, спустя двадцать лет, звучит у меня в ушах: там-дам, та-да-дам-дам, та-да-дам, та-дам. И если первые «та-да-дам» я сложно идентифицировала на нотном стане, то финальное разрешение фразы, «та-дам», было для меня очевидно: фа-диез — соль. И скачок на одну октаву вверх, и снова, и снова. А потом Серега переворачивал кассету, и мы дослушивали ее до конца. И возвращались в темный дом, когда все уже спали — и бабушка, и мама, и Армен, и сестра. Я лежала в своей кровати, слушала крики первых петухов, гудок первой электрички, перестук колес, и погружалась-тонула в вязком сне.

Я тонула во сне: в нем было прохладно и не было никаких комаров. За окном гудела-кружила-заметала все на свете метель, беспросветно темнела полярная ночь, в зале уже был накрыт стол — хрустальные бокалы, мельхиоровые вилки, тарелки из праздничного сервиза, ваза с яблоками посреди стола. До Нового года оставалось часов пять, делать было решительно нечего. Все дела старого года были закончены, платье наглажено и примерено, упакованные подарки до часа «Х» были спрятаны в струнное нутро пианино, даже стенгазета «С Новым 1993!», украшенная петухом, была уже нарисована, раскрашена и повешена на стену.

Я томилась ожиданием и бездельем. Праздничные блюда есть было еще рано, яблок из вазы не хотелось. И тут звонок в дверь.

Славка! Славка. Настоящее спасение от предновогодней бездельной маяты.

На Славкином чубе и ресницах таяли снежинки, щеки алели, на губах играла улыбка:

— Одевайся! Дело есть!

— Так Новый год же! — растерялась я.

— Когда он еще, твой Новый год! Времени карета! Успеем вернуться раз сто! Айда к Тарантулу!

Мама только кивнула:

— Возвращайтесь часам к одиннадцати, раньше можно, позже нет.

Мы со Славкой, взявшись за руки, скатывались по нечищеным ступенькам Чертова моста вниз, вокруг стояла пронзительная тишина, будто нас забросили на эту необитаемую планету, и мы тут одни, совсем одни — среди темнеющих сопок и подводных лодок. Но… нет! Планета была обитаема: светились окна домов, тени в окнах выдавали праздничную суету.

Славка болтал без остановки:

— Серега, ну то есть Тарантул, отличный парень. Сама увидишь. Мой одноклассник из первой школы. Он щас в гипсе, весь. Ну что ты так смотришь — ага, весь в гипсе. Сама увидишь. У него операция была недавно, на шее. Ну сломал, да. Бывает. Но руки свободные, на гитаре играет. Нет, вряд ли он сыграет нам хоть что-то. У него сейчас настроение не то. Почему Тарантул? Да как-то так сложилось, давно еще. У него фамилия Терентьев. А Тарантул… Да фиг его знает — так повелось. Да он Тарантул и есть. Сама увидишь.

Дверь нам открыла невероятной красоты женщина. Я догадалась: Серегина мама. Будто из серебряного века — рыжая, статная, зеленоглазая, в изумрудном платье. Прямо Медной горы хозяйка, не меньше. Из комнаты выглянул Тарантул, загипсованный по самое не могу.

— Знакомься, Серега, это Ира, — сказал Славка.

Серега уже неловко снимал с меня шубу — поднимать руки ему было неудобно — и улыбался.

Улыбался так же, как улыбался сегодняшним вечером. И

вчерашним утром. Улыбался невероятной своей улыбкой. Невероятной. Если бы Серега был мой брат, я бы за одну эту улыбку ему прощала все на свете. Все, да.

Мы зашли в детскую, Серега разложил шахматы, подмигнул Славке: «Продуешь мне партеечку? Я тут от безделья уже круче Гарри Каспарова стал играть!»

Славка охотно продул партеечку. И еще одну.

Мы пили шипучий лимонад, который принесла на подносе Серегина мама. Лимонад, как в детстве, искрился во рту. Он был хорош. Но что скрывать, хотелось чего-нибудь покрепче.

— Нам у Ирки сегодня нальют, — будто прочтя мои мысли, сообщил в никуда Славка.

— Да я тоже не останусь без алкогольного утешения, — усмехнулся Серега. — После полуночи карета превратится в тыкву, выросшим сыновьям нальют, на что покажет стрелка компаса, и только моя кольчуга останется со мной».

— Долго еще? — спросил Славка.

— Да как пойдет. До середины февраля точно, а там снимок будут делать, и решат.

Я молчала. Новый год приближался с каждой минутой, и обратно пропорционально ему испарялось новогоднее настроение. Напрочь. Я делала вид, что разглядываю плакаты на стене — ABBA, AC/DC, Depeshe Mode. Потом вглядывалась в темень за окном — там, в метели, спешили по своим домам маленькие темные человечки в шинелях — кому-то

повезло сдать вахту перед самым Новым годом. Потом Тарантул взял гитару, начал наигрывать знакомый мне мотив, но на самой пронзительной ноте Славка его остановил:

— Ну-ка, еще раз! Какой ты здесь аккорд берешь?

А потом мы спешили домой. Метель усилилась, шли почти наощупь, Славка держал мою руку в своей еще крепче, и мне казалось — нет, не так — я была уверена, что каких-то три часа назад я была другая.

Мы вернулись к одиннадцати — если опоздали, то лишь чуть-чуть — и через несколько минут после нашего возвращения раздался гулкий стук в дверь. Я облегченно вздохнула: все нормально, я еще тут, в детстве. За дверью стоял папа, переодетый в Деда Мороза. В руках у него был огромный посох, что круглый год стоял за шкафом. У папы, то есть у Деда Мороза за спиной был мешок, полный абрикос. Я толкнула Славку в бок:

— Ты видал? — и проснулась.

За окном светало. Пахло жасмином, что рос прямо под окном. И земляничным мылом, которым бабушка перекладывала белье в шкафу. Я снова закрыла глаза, и…

…и в дверь позвонили.

— Кто? — спросила я, сморкаясь в наволочку.

Бабушка всегда говорила:

— Пришел насморк — бери наволочку или какой другой мешок. Складывай туда все сопли, и они к тебе не вернутся!

Отменный способ выздороветь!

С самого утра у меня текло из носа так, что я ничего не могла делать, кроме как сморкаться.

— Тарантул, — раздался хриплый голос с той стороны двери.

— Не открою, — сурово сказала я. — Не в форме.

— Ну и не открывай, — сказал Тарантул. — Я тогда буду стоять здесь до вечера, и звонить тебе раз в пять минут.

Часа через два я сдалась. Но, конечно, не призналась, что сдалась. Сказала, что за эти два часа мне стало значительно легче.

А может, так и было.

***

И снова утро наступало вдруг, и снова Солнце жгло шторы, и не верилось, что день скатится-превратится в терпкую, глубокую, темную ночь. Не верилось.

Не помню, чтобы там, в темноте тех ночей, было «что-то такое». Кусаю до боли губы, чтобы вспомнить — и нет. Не помню, о чем мы там говорили, в той темноте. Все, что я знала о Сереге до и узнала после — было в его письмах. Там было про первую сирень, про весну, которую ждешь, про права на управление грузовым транспортом, про то, что было бы хорошо поступить в пед на заочку. А там… Нет, на ночной скамейке, под Малой и Большой Медведицей ничего такого не было. Мне кажется, там просто было «здесь и сейчас». Позади была школа. Она была еще не совсем поза-

ди, она была на расстоянии вытянутой руки, но на этом расстоянии уже пришло осознание — этот выпускной одиннадцатый класс, эта вся школьная пора — это было невероятно. Это было то, что мы будем вспоминать всю жизнь. Да. И вот эту ценность мы теряем прямо сейчас. Прямо сейчас от нас перестает пахнуть тетрадками, экзаменами и школьными звонками. И впереди что-то многообещающе-взрослое, что-то пугающее даже. Но если об этом не думать, то можно и не пугаться.

И мы снова сидели на скамейке — пока не заканчивалась Серегина кассета. А когда заканчивалась, Серега переворачивал ее и говорил:

— Слушай, ну, может, пять минут еще, а?

Где бы я ни оказалась в последующие двадцать лет, услышав эти ноты — «та-да-дам, та-дам», сердце мое останавливалось. Потом, встрепыхнувшись, как в песне у «Сплина», «отдышалось и снова пошло» — снова шло, стучало гулко и неровно, будто вычитая годы, будто возвращая мне то зрение, что было в восемнадцать, будто… Я снова оказывалась на той белой (не совсем, впрочем, белой, если быть честной) скамейке под желтой черешней, от магнитофона в гараж тянулся удлинитель, Серега, отойдя чуть в сторону, курил, огонек его сигареты горел светлячком, цикады звенели так, как они умеют звенеть жаркой южной ночью, и планета крутилась, крутилась, крутилась… Крутилась. Спасибо портвейну из магазина на Лизы Чайкиной.

***

А потом был прощальный вечер. Армен приготовил мясо — по специальному армянскому рецепту томил его весь день в двух литрах пива. На весь дом и на весь двор пахло этой провокацией, но Армен никому не давал пробовать:

— Вы мне сейчас, дорогие, так попробуете, что полкастрюли не досчитаюсь!

Мясо получилось невероятным. Мы макали в соус-бульон свежий хлеб. Было космически вкусно. Армен нахваливал себя:

— Вах, дорогие, а что я говорил!

Потом был арбуз.

Потом (грязные тарелки мы сгребли в таз и занесли в дом) мы выпили под яблоней все, что оставалось в бутылке. Там оставалось немного. Так, на один тост. По глотку, если точнее.

— За тебя! — хрипло сказал Серега.

— И за тебя, — улыбнулась я в ответ.

Серега притянул меня к себе, держал в объятьях долго-долго. Я даже поняла кое-что про физиологию. Так вышло. И поняла, что да — необязательно, наверное, было стягивать с Сереги одеяло по утрам. Физиология, мать ее. Если бы Серега задержался, я бы не стягивала больше с него одеяло никогда. Никогда.

Серега дышал глубоко и часто. И я, наверное, дышала тоже. А может, не дышала вовсе. Серега поцеловал меня. Губы

у него были такие же, как он сам. Настоящие.

Серега был настоящим, вот. Сколько бы я ни пыталась его описать, рассказать о нем — ничего не выйдет. Он был разным. Еще в Полярном он бил по струнам так, что соседи вызывали милицию. Он читал стихи так, что хотелось плакать. На выпивку с друзьями он тратил деньги, оставленные ему родителями на еду и приходил ко мне обедать с видом: «С мужиками и не такое случается, даже извиняться не стану, зато я посуду отлично мою».

Я никогда не знала настоящего Серегиного голоса. Той травмой и операциями после у Сереги были задеты связки, и вместо обычного голоса у него был хриплый шепот. Интригующий, даже какой-то интимный, что ли, шепот. Очень классный. И в этом шепоте Серега тоже был неприкрыто-настоящий, до боли, до «да, я такой».

И еще Серега был троечник. Для меня прежней, до знакомства с Серегой, «троечник» было диагнозом. Я была отличница, нам наверняка было не по пути.

С Серегой мне было по пути. Только непонятно, по какому пути.

Прошла, наверное, вечность. И еще секунд десять. Серега разжал объятия. И, будто лишенные заряда, мы тут же рухнули под яблоню. Друг напротив друга. Сидели на траве, обхватив руки коленями. Во тьме разгорался огонек сигареты.

Потом он погас. Серега взял меня за руку. Мы зашли в дом. Щелкнул замок. На цыпочках разошлись по комнатам.

***

Серега не задержался. На рассвете он потрепал меня по щеке — я (все еще спали) вышла провожать его до калитки. У него был автобус. Или поезд. Не помню. Неважно, что.

Июль закончился. Таганрогское степное лето с каждым днем все отчетливее пахло осенью. И яблоки давно не нужно было рвать. И абрикосы. Зато на базаре были дешевые арбузы и дыни. Можно было только ими и питаться. Но не хотелось. Есть не хотелось вообще. Это, во-первых. А во-вторых, все напоминало о Сереге. Серега — худющий, жилистый, с кубиками на животе — возникал перед глазами при одном лишь виде арбуза. Виделось, как он втыкает в арбуз нож, как арбуз трещит, как Серега смотрит на меня смеющимися глазами и спрашивает:

— Пробовать будешь или сразу половину съешь?

В начале августа в гости приехала моя школьная подруга, Оля. Точнее, Ольга. Все называли ее Ольга.

Ольга приехала. Мы ходили на пляж. Выполняли поручения мамы и бабушки. Катались на трамвае. Выгуливали платья по набережной. Если бы бабушку надо было отвезти на базар, я бы отвезла, не вопрос. Но торговать было особо нечем — и я была свободна от бабушкиных поручений. Я была свободна, но бабушка была какая-то недовольная. И мама тоже. Не знаю, почему. Может, им тоже было кисло

без Сереги. А может, грустно, что лето заканчивается. Мама спросила как-то, почему Ольга не осталась со мной убирать на кухне после обеда, а ушла в свою комнату. Я только пожала плечами: какая разница. Я этого не заметила. Совсем. Мне было все равно.

А потом пришло письмо от Тарантула. Там было… там было то, что было. И в строках было: «…не хочу быть навязчивым гостем», и «…никогда не поверю, что ты согласишься», а между строк…

…так много всего было между строк. И было понятно, что я не соглашусь. И что детство ушло, а взрослость еще не наступила. И почему-то сейчас, между двух дверей, было так больно и так боязно. Будто стоишь на сквозняке, и неважно — сделаешь ты шаг вперед или назад — все равно ошибешься. Все равно будешь жалеть.

Я уже все знала про Серегу. А главное — про себя. У меня в сердце был встроенный барометр, а в нем — отметка: «Ромка — первая любовь».

Я знала, что ничего не будет. Что это просто лето. Просто сквозняк. Просто пришло время взрослеть. Просто у нас совсем, совсем разные пути.

Я уже все знала про себя.

Но я шагнула вперед.

На почте сотрудница долго вглядывалась в текст, который я написала в телеграммном бланке печатными буквами. Пе-

респросила даже:

— Емшан?

— Емшан, — успокоила я ее.

***

Почему-то я так и не переписала кассету «Чамэй» в Серегин приезд. Не хотела, наверное, думать о том, что все закончится. А может, не нужна была мне эта музыка, эти «тада-дам, та-дам» в отрыве от Сереги. Как бы там ни было, теперь у меня появился второй шанс.

Серега позвонил в калитку рано утром, я выбежала открывать. Увидев его, замешкалась лишь на миг — и захлопнула калитку у себя за спиной. Так, чтоб на несколько минут, пока нас не хватятся, побыть вдвоем.

— Ну ты даешь. Я получил телеграмму. Смотрю в нее, ничего не понимаю. Потом вспомнил, конечно. Но пока я тупил, телеграмму уже увидел отец. Выпорол меня: «Наркотики? Признавайся!» Я молчал, — Серега усмехнулся. Приподняв футболку, оголил часть спины. На спине были следы толстого ремня. — Когда все закончилось, пошел в детскую библиотеку. Как дурак. Принес отцу «Динку». Нашел нужную главу. Отец извинился и дал деньги на дорогу.

Серега закурил.

— Не бросил?

— Не-а. Ты же помнишь, мне на выпускном классуха вручила две пачки сигарет. Сказала: «Сереженька. Это тебе, если будет совсем плохо. Пусть хватит на год. Или даже боль-

ше».

— Хватит? — спросила я, отсчитав в уме три месяца после выпускного.

— Как же. Выкурил в первую неделю после выпускного. Я разве не рассказывал?

Мы стояли около калитки напротив огромного дерева абрикоса. Абрикосы с самой вершины, — оттуда, откуда их было не сорвать, отчаявшись, неслись к земле и с сочным всхлипом расшибались о землю.

— Сорвать тебе? — Серега, воображая себя Тарзаном, стал ловко взбираться вверх. Его сумка стояла рядом с деревом. Оттуда выглядывали пара бутылок подсолнечного масла (там, у Сереги в Должанке, сосед сам отжимал масло из семечек), и торчали рыбьи хвосты. В прошлый раз Серега тоже привозил и вяленую рыбу, и балык. Бабушка была счастлива — сразу все спрятала в жестяной шкаф и ела Серегины дары по вечерам в одиночестве. Если с кем и делилась, то только с мамой. Я не завидовала — не люблю вяленую рыбу. А балык даже не пробовала.

— Не стоит и начинать, — сказала бабушка.

Я и поверила.

Громко и гулко захлопнулась дверь в детство. Я поморщилась. Тарантул, будто услышав этот звук, тревожно оглянулся. Но снаружи все было как прежде — и в меня весело полетел абрикос.

***

Если честно, я была ужасно рада. Ужасно. И бабушка. И Армен. И мама даже. Она почему-то не нервничала. Или умело прятала свои нервы.

— Сережка! — закричала сестра, проснувшись и увидев Тарантула на кухне. И повисла на его шее.

— Тара-а-антул, — усмехнулась-улыбнулась Ольга. Теперь ей было с кем курить.

Ольга и Тарантул не очень ладили между собой прежде. Теперь они тоже ладили не очень.

Тарантул шутил колючие едкие шутки. Ольга отвечала тем же. Потом наоборот. Мне всегда нравилось наблюдать со стороны за их фехтованием — это была какая-то движуха, которой я раньше не представляла. Какая-то взрослая движуха. Я не была на стороне Ольги или на стороне Тарантула. Нет. Я была сама по себе.

***

Наверное, с этим своим знанием про себя, я была уже другая. А может, это все Ольга. Может, я была другая рядом с ней. В одну реку не войти — и мы не вошли. Мы сидели втроем на нашей, не белой скамейке, по полночи. Сидели, тесно прижавшись друг к другу.

Молчали. Серега и Ольга курили. Молчали опять. Звенели цикады. Я слышала в их звоне весь тлен, что ждал меня в сентябре — питерские косые дожди, будильник по утрам, пшенная каша и чай, немецкий и экскурсоведение, тесная

комната на пять человек вместо огромного дома.

Под утро расходились по своим кроватям — и снова Серега спал на атаманке. Я — как и обещала себе — по утрам не стягивала с него одеяло.

***

Как-то мы с Серегой полезли на чердак — вдвоем. Бабушке так и не нравились пятна на потолке в прихожей.

На чердаке было темно, душно, пыльно, жужжали мухи, ползали какие-то сонные гусеницы. Ничего, что могло бы намекнуть на протечку.

Мы уселись на старое протертое кресло. Напротив нас у стены стоял чей-то старинный портрет. Какой-то мой давний предок в погонах восседал в кресле с важным видом. Луч солнца, падающий от двери, вырезал-вычерчивал дорожку, и портрет попадал в эту траекторию.

Я вдруг поняла, что это ТО САМОЕ КРЕСЛО. То самое. Кажется, Серега тоже это понял. Сидеть в кресле нам сразу перехотелось. Мы встали. Серега панибратски подмигнул мужчине на фотографии и шутливо отдал честь: «До встречи! Все там будем!»

Я — никто не учил! — перекрестилась.

Мы вылезли с чердака, долго возились с защелкой, нагретая за день жестяная крыша жгла пятки, бабушка кричала снизу: «Ну! Вы там уснули?», и нужно было слезать вниз, и…

…не знаю. Да нет, никакого предчувствия. Просто отчаянно хотелось, чтобы сценарист не переходил к следующему

эпизоду. Этот был так хорош, так насыщен, так ярок, что хотелось в нем задержаться еще хоть на пару минут. Но Серега уже спускался по лестнице вниз. И, прошло каких-то секунд тридцать, кричал: «Ирка! Ну я же лестницу держу!»

***

А потом — вдруг! — вернулась откуда-то Вика. То ли из лагеря, то ли с практики. Вика выросла со времен нашего детства. Это раньше наши четыре года разницы были «Ого!» Сейчас Вика была как ранняя черешня-скороспелка — сочная, стройнющая, с копной волос, с уверенным размером «один плюс», с искрами из глаз — она как раз решила идти по отцовским стопам: «Подала документы в милицейский класс! Буду ходить в милицейской форме!»

Преодолевая Ольгино ироничное: «Малолееетка!», Вика вполне разделяла наши интересы — попросила у Сереги переписать «Чамэй», не закашлявшись, затянулась сигаретой, понюхала портвейн. И пошла с нами вечером на пляж. И я уплыла, как обычно, далеко-далеко, за горизонт. Туда, «где кончается синее море». А когда ноги задели дно — коса! — оглянулась, и…

… и оказалось, что меня никто не догоняет.

Серега остался плескаться с Викой у берега. Мы с Ольгой, впрочем, все реже называли его Серегой. Теперь он снова был Тарантул. Как в школе.

***

— Они целовались, представляешь? — доложила мне Ольга. — Подлые какие!

А я только улыбнулась.

Так бывает.

Я не умерла.

Я даже не разрыдалась.

Я будто освободилась от чего-то, что надо было решать. Будто кто-то принял решение за меня, и это было гениальное решение.

Я была с ним полностью согласна.

Я бы никогда в мире не придумала ничего, что могло быть лучше.

Почему-то вспомнилось, что самка тарантула съедает самца после соития. «Так им обоим и надо», — подумала я.

***

Бабушка не щадила никого. Каждый день она отрывала по листку из календаря.

И наступил тот день, когда мы с Серегой провожали Ольгу на поезд в Питер. Назавтра уже мы с Викой провожали Серегу. Он обнимал, а я понимала: брат. И за его улыбку я готова простить все на свете. Потом уезжали мама с сестрой. Дальше — лето закончилось — пришла моя очередь.

Мы не говорили с Викой о Сереге. Что там говорить. Время покажет. А пока — как есть.

В октябре или ноябре от Сереги пришло письмо.

— Какие новости? — спросила меня мама по телефону.

Я сосредоточилась, чтоб ничего не забыть:

— Родители строят дом. Он помогает. Поссорился с отцом. В душе пусто. И рвано. И теперь так до весны. А вот бы в Полярный на Новый год. Почему пусто? Сейчас, открою письмо. «Представляешь, — пишет, — такой повод дурацкий. Туалет на улице. Ну, как в Таганроге. А ночи были уже холодные. Короче, простудился, по-мужски. Попросил у отца совета, а он отрезал: «Поменьше ходи по шлюхам».

Это был тот же Серега, что тогда, в одиннадцатом классе. Когда мы листали Бонка, когда он играл на гитаре «Скорпионс», а в рюкзаке у него была бутылка апельсинового ликера и полбутылки вишневого. И еще бутылка пива. И мой папа, задев рюкзак, тогда сказал:

— Ребята, одна не звенит. А две звенят не так. У вас там в рюкзаке пункт приема стеклотары?

И все смеялись. И никому не было страшно: ух, родоки узнают, что будет! Было ясно — ничего не будет.

Мне было легко с этим Серегой. Мне было ужасно нелегко. Ему-то было хорошо: он был тот же. Я была другая. Моя реальность под косыми питерскими дождями менялась. Из провинциальной девочки я становилась почти петербурженкой, с петербургскими амбициями и, что не менее важно, с многозначительным бюстом («Проходя по коридору мимо 426 аудитории, Ирэн бортанула меня грудью», — писал в боевом листке на какой-то скучной паре однокурсник Спащанский и блестяще, в несколько штрихов-линий, изображал ря-

дом с новостью выразительную иллюстрацию абордажа).

***

Примерно через год кто-то из наших сказал, что Серега погиб. Перевернулся на мотоцикле.

Я кивнула. Приняла это так, будто всегда это знала. Будто читала эту книгу. Будто давным-давно согласилась с этим, хоть это было неправильно. И нечестно. Вот вообще нечестно.

***

Отработав первое лето на пристани экскурсоводом (первое лето, когда я не поехала в Таганрог), я купила билеты на Север, к родителям.

Позвонила Паше-Палтусу, другу Тарантула.

Приготовила крабовый салат.

Пожарила мясо.

Накрыла стол.

Мама сказала, что придет с работы попозже и принесет что-то вкусное.

— Пить будешь? — спросила я Палтуса.

Палтус покачал головой: нет.

Сейчас, без Тарантула, все утратило смысл.

Какой кайф пить? Никакого. Есть не хотелось тоже.

«О покойных либо хорошо, либо ничего», — это взрослые разговоры. Взрослые знают, что говорить, как говорить, чокаться, не чокаться, все вот эти вот дела. Мы с Палтусом

ничего такого не знали. Потому молчали.

Отчаянно молчали. Как два дурака.

— Палтус — рыба жирная, — глядя в окно на сопки, я сказала давний наш пароль.

Помнит? Нет? Столько лет!

— Самка тарантула съедает тарантула после первого же секса, — моментально откликнулся Палтус.

Я оглянулась.

Он не улыбался.

Курсы были сверены.

Пауза затягивалась.

— Сама салат сделала? — спросил Палтус.

— А то, — сказала я.

— У меня автобус через полчаса.

— Значит, успеешь увидеть мою маму, она скоро будет.

— Жалко, что все так вышло.

— Ужасно жалко.

Мы дружили всей компанией: я, Тарантул, Палтус, Бумер. А, да, еще был Колька Беляев.

Теперь Колька учился в Питере, Бумер в Мурманске, Тарантул был в лучшем из миров, а мы с Палтусом сидели друг напротив друга и впервые понимали — если сейчас что-то скажешь, то все рухнет. Все и так уже рухнуло, но если что-то скажешь, то вообще.

Мы молчали.

Пришла мама. Ахнула, взглянув на стол:

— Ничего не поели?

Палтус направился к двери:

— Мне пора.

Мы так и не сказали про Тарантула ни слова. Только помолчали о нем.

Больше мы не виделись.

***

Через несколько лет бабушки не стало. И стало не к кому ездить. И незачем. Дом продали. Целиком, как был. Со старинным буфетом в кухне. С трельяжем в гостиной. И с атаманкой. Где спал когда-то дядя Федя. Где играли в карты. Где валялись с тазиком черешни. Где спал Тарантул. Где я не стала атаманкой.

Не стала — и ладно. Не атаманка, значит, и была. К тому же выяснилось, что атаманка — не про атаманов. И не про атаманок. Листая как-то то ли Островского, то ли Куприна, встретила там оттоманку. Не узнала сначала. Не поняла — что за «оттоманка»? И тут же вмиг осенило — ах вот оно что! Оттоманка!

Кто спит на той оттоманке сейчас? Кто его знает. Но я знаю наверняка, что солнце — южное жаркое солнце — все так же заглядывает в окна красного кирпичного дома с зелеными ставнями, жжет шторы, сушит абрикосы прямо на ветках, и обещает, что все будет хорошо. Прямо сейчас. Или

когда-нибудь потом. Какая разница? — в масштабах вечности это одно и то же.

P.S. На двадцать лет окончания школы одноклассники из Питера поехали в Полярный. Провожая на Ладожском вокзале, я попросила их зайти в мой подъезд и сфотографировать внутреннюю дверь. Там, совсем нечужим для меня перочинным ножиком в ту самую длинную полярную ночь, когда мы учились в 11 классе, было вырезано на тогда новеньких дверях: «ПАЛТУС», «ТАРАНТУЛ», «БУМЕР», «ЦОЙ ЖИВ». Эти буквы были закрашены зеленым, потом синим, но все равно отлично читались — даже на фото.

Мы были.
Мы есть.
Мы будем.
Как бы там ни сложилось дальше.

ПАЛТУС
ТАРАНТУЛ
БУМЕР
ЦОЙ
ЖИВ
Малой

Михаил Герасимов. СУД НАД МАТЕМАТИКОЙ

Слушается дело Математики, которая допустила создание «темной материи» и прочих заблуждений. Четыре коротких заседания включают показания свидетелей (Черная Дыра и Эхо Большого Взрыва), заключение Эксперта, некоторые пикантные космические подробности и финальный приговор.

Часть 1

Судья:

— Слушается дело потерпевшей Физики против Математики. Суть обвинения: обвиняемая использовала поддельные формулы, предлагала для объяснения явлений нелегальные фиктивные сущности и ввела Физику в заблуждение. Налицо схема с корыстным мотивом, осуществленная группой лиц по предварительному сговору. Суд изучил показания Математики и не увидел в них Логики. Кстати, где она?

Из-за перегородки, где сидела Физика, поднялось красное заплаканное лицо.

— Я здесь, Ваша честь. Мне стыдно. Но я не виновна. Меня принудили замолчать и отстранили от исследований.

Судья:

— Принято, но ваши показания заслушаем позже. При-

гласите главного свидетеля. Черная Дыра есть в зале?

Секретарь суда:

— Она не может присутствовать лично. У нее очень тяжелая работа, связанная с высоким напряжением материи, и ее присутствие может исказить судебный процесс. Но она может связаться удаленно по видеосвязи и ответить на вопросы. Подключаю…

Черная дыра:

— Здравствуйте. Я только что получила материалы дела, касающиеся моего устройства. Я в шоке! Нет у меня внутри никакой сингулярности! Я не занимаюсь незаконной деятельностью, просто моя внутренняя область под техническим запретом. У меня на горизонте событий висит внятное предупреждение «ОПАСНО! Не влетай! Засосет!» Я строго подчиняюсь законодательству и не излучаю ничего наружу. Внешние эффекты — это все в рамках законов внешнего пространства, и я не знаю никакого Хокинга. Я иногда разбухаю после того, как поглощаю небольшие звезды, но это моя работа. Да, уж простите за интимные подробности, я полнею и немного толкаю внешнее пространство, создаю гравитационные волны, но они даже не продольные и не поперечные. Это бы сильно волновало пространство. Я использую другой тип волн, поэтому пространство не волнуется как море, а только слегка вздрагивает. Это безопасно. Да и не могла я использовать поперечные волны! Для них нужно дополнительное Четвертое измерение, а никто не знает, где его взять.

Судья:

— Я вас понял. Пригласите судебного эксперта.

Входит эксперт и выкладывает на пюпитр стопку листов.

— Ваша честь, я ознакомился с невещественными уликами, провел аудит работы Вселенной и готов предоставить суду следующие заключения. Все работает нормально. Мое первое впечатление при прочтении акта обвинения было чрезвычайно сильным с оттенком возмущения. «Это что, розыгрыш какой-то?» — подумал я. У нас на складе нет никакой темной материи, никакой инфляции. Есть недостача массы Вселенной, но она запротоколирована давным-давно после Большого Взрыва. Это невозвратные потери работы естественных процессов. После взрыва фотоны улетели на… (смотрит на часы) ...на 13,8 миллиарда световых лет, и они до сих пор там. Остыли до 2,7 градусов Кельвина, но все на месте. Нейтрино улетели навсегда, но это нормально.

Судья:

— Благодарю вас. Мы еще обратимся к вам. Адвокату обвиняемой есть что сказать?

Адвокат:

— Моя подзащитная Математика всего лишь хотела работать удаленно в связи с преклонным возрастом. Они немного повздорили с Логикой, и Математика продолжила работу самостоятельно. Открыла Теорию струн, сингулярность, разные информационные парадоксы, петлевую гравитацию, квантовые эффекты,..

Судья:

— Остановитесь. Достаточно. Теория струн, как следует из экспертной записки, ничего не смогла толком решить, остальные эпизоды доказаны формально только на бумаге, но с нарушениями прав Логики. Деление на ноль никто не отменял, но подсудимая его обошла и закрыла глаза на многие другие фундаментальные принципы. Косвенно пострадала еще группа лиц: сокращение господина Лоренца возмущено, потому что оно не желает быть мнимым. Альберт Эйнштейн не доволен использованием его теории в мошеннических целях. Сегодняшние слушания завершены. Обвинения Логики в соучастии сняты. Логика, на завтра вы являетесь в суд на стороне потерпевшей. Все свободны.

Часть 2

Судья:

(удар молотком)

— Заседание второе. Главный свидетель попросил дать ему слово. Черная дыра на связи. Мы вас слушаем.

Черная дыра:

— Благодарю. Уважаемое галактическое сообщество! Я хочу немного рассказать о себе. Как я понимаю, из-за моего замкнутого образа жизни многие меня не понимают, поэтому и возникают разные слухи и подозрения. Мы все, каждый по-своему, иногда уходим в себя. У каждого в душе есть своя маленькая черная дыра, наша личная тайна, которая и делает нас особенными, индивидуальными. Я расскажу вам мою

биографию.

Мой предок — большая, лохматая, старая и огромная звезда, красный сверхгигант, миллионы лет грела пространство вокруг себя. Она была яркой и притягательной. Но она устала. Она сбросила свою внешнюю корону и решила стать меньше и незаметнее. Наверное, это как уйти на пенсию или сменить работу. Это же здорово — просто наводить порядок вокруг себя, пылесосить, вязать шерстяные шапочки. И звезда сжалась. Она вращалась очень медленно, но такое невообразимое сжатие неизбежно приводит к резкому увеличению скорости вращения. Это как в фигурном катании: чтобы раскрутиться — нужно прижать руки к груди, затормозить вращение — раскинуть руки в стороны. (эксперт одобрительно кивнул, чертя что-то у себя в блокноте) Первые доли секунды у меня было жуткое головокружение, а потом я почувствовала пустоту внутри. Я даже обратилась за консультацией, но доктор сказал, что это нормально. Он угостил меня чаем, показал, как возникает вороночка в чашке, когда размешивается сахар, и я все поняла. Эта пустота внутри неизбежна, и она все объясняет. (эксперт снова кивнул). Я взглянула на себя со стороны и успокоилась. От моего предка мне передался только его вес в галактическом обществе, но не полнота. Мне очень уютно внутри моего горизонта событий. Он черный и строгий, как маленькое черное платье, о котором мечтает всякая изящная женщина. Это меня стройнит, а моя притягательность даже увеличилась. И я открою еще

один маленький секрет: я темная и незаметная снаружи, но ведь свет не исчезает во мне навсегда! Изнутри горизонт событий такой яркий и белый, что мне светло и уютно.

Я спросила доктора: «Что же меня ждет в будущем?» Его ответ поселил во мне мечтательное душевное спокойствие. Я не буду одинока вечно. Иногда ко мне будут прилетать гости, и если мы сблизимся, то останемся навсегда вместе, объединимся в одно большее целое. Этими гостями могут стать другие небольшие черные дыры или нейтронные звезды. Это будет яркое событие. Мы закружимся с нейтронной звездой в вальсе, и мой экватор, скорее всего, не выдержит, как тонкий поясок. Тогда произойдет огромный плоский фейерверк, и я стану плоской спиральной галактикой. Если это будет такая же черная дыра, как я, то фейерверк будет не плоский, а сферический, и я стану шаровым звездным скоплением, как брошка со стразами. Даже не знаю, что лучше. Но если доктор меня понял с полуслова, то и вы сможете.

(В зале раздались нестройные аплодисменты и сверкнуло несколько сверхновых улыбок)

Судья:

— Спасибо. А можете рассказать что-то более близкое по существу дела? О темной материи или парадоксах информации?

Черная дыра:

— Конечно! Материя существует, и мы ее видим, можем пощупать, а вот выдумать можно всякое. Даже моя пустота

внутри обладает свойствами. Там внутри нее нет измерений, и даже времени, поэтому эта пустота абсолютно твердая, абсолютно скользкая, и она очень помогает мне поддерживать мою форму. Нет никаких парадоксов, потому что частицы, которые пересекают мой небосвод событий, не могут разогнаться выше скорости света, несмотря на мою притягательность. Они сбрасывают излишек энергии в свет и добавляют мне тепла. Они как метеоры в атмосферах и тоже подчиняются всем законам природы.

(Эксперт отложил блокнот и больше не отрывал взгляд от черной дыры, излучая только понимание и уважение)

Судья:

— У суда больше нет вопросов. Желает ли кто-то задать свой вопрос свидетелю?

Физика:

— Я всегда была готова к близкому знакомству, но была деликатна и не поддерживала слухи и домыслы.

Математика:

— Вы меня обвиняете в неделикатности? Я же не могла вот так просто прийти знакомиться. Я попробовала сама что-то узнать заранее, прежде чем…

Логика:

— Вот уж именно «попробовала», а попала пальцем в небо!

Судья:

— Пожалуйста, тише! Не нарушаем порядок на процессе!

Черная дыра:

— У меня, пожалуй, на сегодня все. Последний человек, который меня понимал лучше всех… Как его?.. Забыла. А, нет, Альберт его звали. Вот с ним бы у нас получился общий интересный диалог о законах и явлениях природы. А изобретать домыслы и распространять сплетни — это не мое.

Судья:

— Обвиняемая Математика, вы признаете, что ваши действия привели к нанесению морального ущерба свидетелю? Отвечать правдиво, без допущений, интегралов! У нас процесс не резиновый, и нет времени ждать, пока ваши пределы достигнут бесконечности.

Математика:

— Да, Ваша честь. Я согласна. Мои заблуждения сыграли со мной плохую шутку. Меня сильно накажут?

Судья:

— Это скоро выяснится. С темной материей разобрались. Следующие эпизоды расследования до конца недели: недостача массы Вселенной, афера с нейтрино и Большим Взрывом, показания физического вакуума о пределе скорости света и поиск текущего источника реликтового наследства. Эксперту при содействии Логики подготовить материалы к заседанию. Логика, вы, конечно, свидетель и пострадавшая, но очевидные взаимосвязи — это ваша прямая компетенция. Не откажите Эксперту в помощи. Завтра заслушаем Эхо Большого Взрыва и суд восстановит причинно-следственные

связи в этом эпизоде. Пространству приготовиться! Ваша роль в процессе еще не определена окончательно. Заседание окончено. Следующее собрание завтра в это же время. Время, у вас все в порядке?

Время:

— Да, Ваша честь! Я иногда замедляюсь, но никогда не опаздываю!

Часть 3

После первого слушания, от которого никто особо не ожидал резонансных подробностей, на втором уже был аншлаг. Биография Черной Дыры в ее собственном изложении позволила с невиданной ясностью снова взглянуть на звездное небо, но теперь уже с таким пониманием небесной механики, что ее легко можно объяснить и ребенку. Сегодня в зале было просто не протолкнуться, а прибывшие с опозданием из самых дальних пространств толпились у окон снаружи и ловили каждое слово.

Секретарь суда нажала кнопку, двери зала распахнулись во всю ширину. В зал грузно ввалилось Эхо Большого Взрыва и наполнило его негромким, но тяжелым колебанием пространства. У присутствующих одновременно слегка заложило уши, как от перепада давления.

Судья:

— Заседание третье. Суд устанавливает обстоятельства Большого Взрыва, кражу части материи Вселенной, аферу с элементарными частицами (рыночный «пузырь» с нейтрино)

и некоторые связанные вопросы. К слушанию приглашено Эхо Большого Взрыва, поскольку сам Большой Взрыв произошел слишком давно и в деле может фигурировать только его законный представитель. Приступим?

— Уважаемое Эхо Большого Взрыва, донесите суду все, что вам известно по оглашенным вопросам.

Эхо Большого Взрыва:

— Ваша честь, о каком большом взрыве речь? Я, конечно, Эхо грандиозного события, но мне кажется, что это похоже на клевету. Что конкретно нужно пояснить?

Судья:

— Расскажите, что произошло на самом деле, потому что есть утверждения, что большой взрыв произошел как бы «нигде, ни в чем и из ничего», а именно он породил пространство, которое начало одновременно расширяться во всех направлениях. Именно такое расширение сейчас наблюдается, и подсудимая Математика это объясняет как мгновенную скорость, которая в миллионы раз превышала скорость света, а также что Вселенную уравновешивает темная материя...

Все в зале словно одновременно выдохнули и издали гул удивления, потому что слов ни у кого не было. Бледнеющая Математика стала медленно сползать со стула на пол.

Эхо Большого Взрыва:

— Ваша честь! Из НИЧЕГО НИЧТО не может возникнуть просто так! Даже простой ноль требует карандаш и бу-

магу, или хотя бы мысль. Позвольте, я заявлю сразу, что тут кроется или незаконный умысел, или чудовищное заблуждение. Сейчас не темные времена, и плодить мутные догадки нет никаких оснований. Я прошу запротоколировать мои слова. Пространство бесконечно, а любая бесконечная вещь всегда пребывает в некотором волнении, потому что очень далекие ее части слабо связаны друг с другом. Чем дальше — тем слабее, но они взаимодействуют. Представьте бесконечный океан пространства: любое течение и колебание может порождать водовороты. Ваша конкретная Вселенная — это область локального водоворота. На месте вашей конкретной Вселенной было реальное пространство и некоторая энтропия, но возник водоворот. В центре водоворота по законам Всеобщей космической гидродинамики упало давление. У вас ведь есть формула этого закона?

Эксперт поднял руку и показал белый листок из блокнота с формулой всем присутствующим.

— Спасибо, — продолжило Эхо, слегка кланяясь Эксперту. — Я продолжаю. Ваша честь, у вас на столе бутылка газированной минеральной воды. Можете ли вы допустить, что на столе из ничего сам по себе возникнет стакан, и о его возникновении мгновенно узнают все, кто отсюда бесконечно далеко? Допустим на секунду такую дичь, что стакан таки возник. С чего бы он взорвался? Откуда энергия? Тоже из ничего? Забудем это немедленно, потому что это тупик логики. Логика, простите великодушно, не хотел вас обидеть.

Все оглянулись на Логику. Она была спокойна, как правильная окружность на евклидовой плоскости. Затем все снова вернули свое внимание к речи Эхо.

— Ваш, так называемый Большой Взрыв нарушает такой святой постулат, что мне даже неловко объяснять такие простые вещи! Смотрите сами: если утверждается, что до взрыва пространства не существовало, то КУДА РАСПРОСТРАНЯЛСЯ ВЗРЫВ, ЕСЛИ ПЕРЕД НИМ ВПЕРЕДИ НЕ БЫЛО ПРОСТРАНСТВА? Невозможно сделать шаг вперед, если впереди нет продолжения системы координат.

Математика бессильно свалилась в обморок, и несколько наук во главе с Логикой бросились приводить ее в чувство.

— Ваша Вселенная возникла из водоворота при понижении давления в центре. Ваша честь, откройте крышку вашей газировки, и вы увидите падение давления и рождение множества пузырьков. Вот так и появляются вселенные. Они дети пространства, и оно, благодаря своим физическим свойствам, порождает их из своей энергии. У вас это называется «фазовый переход вакуума». Вы только слишком зациклились на слове вакуум, словно это эталон пустоты. Настоящая пустота не содержит даже пространства и времени!

Черная Дыра, смотревшая процесс через экран дальней космической связи, подпрыгнула и воскликнула: «А я что говорила? У меня такая же пустота внутри! Хотели понять, как искривляется пространство, а искривили логику и формулы!»

Судья:

— Далее…

Эхо Большого Взрыва:

— Теперь о разлете галактик и как вы это наблюдаете. При вашем большом взрыве самые передовые галактики должны лететь намного быстрее последних, на которые уже не хватило энергии затухающего взрыва, но вы видите равномерное расширение. Это потому, что взрыв был не причиной, а следствием. Ваше вращающееся пространство при растяжении за края лопнуло посередине, как резиновый батут. Ваша Вселенная изначально происходит из вращения, поэтому она не идеальная сфера. У вас там красные смещения Доплера в разных направлениях не одинаковые — вот и ответ! Что у вас там еще? Темная материя? Это то, что улетело в виде света и разной мелочи, которую не остановить, нейтрино, например. Почему галактики вращаются в разные стороны? Меня давно не приглашали проводить популярные лекции в детский сад. У кого-нибудь в зале есть горсть монеток? Подбросьте их вверх, и все поймете. И нет никаких эллиптических галактик. Это монетки под углом. Почему в галактиках звезды вращаются как-то не так, как вы ожидаете? Так галактики — это живые водовороты, а не стеклянные пластинки. Есть еще вопросы? Скорость света? Эта скорость определяется свойствами пространства, а не как-то наоборот. Скорость рыбы в воде зависит от воды. Против течения рыба плывет медленнее. В кленовом сиропе рыба замедлит-

ся как свет в стекле. Все! Я больше не могу!

Судья:

— У суда к вам больше вопросов нет. Вы и так объяснили больше, чем мы ожидали. Так что вопрос о краже вещества снимается окончательно. У кого-то есть еще вопросы к Эхо?

Голос из зала:

— Про реликтовое излучение объясните, пожалуйста?

Эхо Большого Взрыва:

— Температура 2,7 по шкале Кельвина — это средняя температура по больнице, то есть по пространству. Оно не может остыть сильнее, потому что пространство проводит свет звезд, как металл электричество. Вы довольны?

Математика издала нервный вскрик и снова чуть не лишилась чувств.

Судья:

— Переходим к вопросу о нейтрино. Секретарь суда предоставила результат запроса «Сколько нейтрино в космическом пространстве?». По данным из разных источников сведения в целом совпадают — примерно 300 штук на кубический сантиметр. Эхо уже утомилось и удалилось. Эксперт может предоставить свои расчеты?

Эксперт:

— Да. Безусловно! Все звезды во Вселенной производят примерно одинаковое количество нейтрино на единицу своей массы, а нам известно количество всех звезд и вся их масса. Но мы получаем количество нейтрино на 19 порядков

меньше. То есть почти ничего на целый кубический километр космоса.

Судья:

— Подсудимая, как у вас получилось 300 штук на сантиметр в кубе? Откуда вы их взяли? И как вы смогли посчитать целых 300 штук, если эти нейтрино с помощью детекторов ловят от силы несколько в год?

Математика долго молчала, собираясь с силами, и наконец со всхлипами и слезами выдавила фразу, от которой прокатилась волна откликов по залу: «Не может быть! Вы это тоже так услышали?»

— Я… я дописала девятнадцать нулей. Чтобы масса Вселенной сошлась в формуле.

Судья:

— Ну, это уже слишком. Из зала суда вы освобождаетесь через подписку о невыезде и подпись Соглашения о приостановке производства некондиционных теорий! Охране и Секретарю суда проследить! Суд исчерпал повестку заседания. Остались мелкие детали и оглашение приговора.

Молоток опустился на деревянную поверхность, и эхо удара достигло стен зала суда не мгновенно, а с задержкой, с поправкой на плотность воздуха, в полном соответствии с физикой.

Часть 4. Приговор.

Судья:

— Прошу тишины! По данному делу нам осталось выяс-

нить последние эпизоды. Общий материальный ущерб Вселенной от действий подсудимой. Слово имеет судебный Эксперт.

Эксперт (открывает блокнот):

— Уважаемое собрание! Как такового ущерба Вселенной не нанесено. Есть пострадавшие, чей моральный ущерб от искажения Логики и оскорбления чувств Физики суд определит в приговоре. Кроме главных пострадавших, косвенно все мыслящие субъекты были введены в заблуждение. На данный момент все вселенские законы функционируют, как и раньше, а вопрос заключается в их интерпретации. Спекуляции с цифрами, подмена понятий, легкомысленное отношение к фундаментальным принципам — это научная небрежность.

Физика, как наука, тоже иногда заблуждалась в своих поисках. И не только она. Но науки, которые основываются на опыте, находят способы поставить строгий научный эксперимент и правильно понять его результат. Совсем недавно, всего несколько веков назад, никто не знал, как полено в костре превращается в уголь, сажу и дым. И попытались придумать новое вещество — флогистон, которое уходит из древесины при горении. И что же? Теория прожила ровно до момента открытия кислорода и химических реакций. Эхо этой истории еще витает в юмористических сюжетах, что вся бытовая техника работает на «белом дыме». Когда из радиоприемника выходит белый дым — устройство перестает рабо-

тать. (дружный добродушный смех в зале). Когда-то и Земля считалась центром Вселенной. Зайти в тупик не страшно. Страшно — это быть уверенным, что это не тупик. Лучшее решение в тупике — звать на помощь Логику.

Теперь по некоторым конкретным эпизодам. Полное осознание, что пространство все же обладает свойствами физической среды, уже на подходе. Космический «эфир» не был ошибкой, но его «не додумали». С ним будет так же, как с воздухом, когда узнали его свойства ближе и открыли его настоящий состав. Долгое время считалось, что тела тяжелее воздуха летать не могут. Только птицы и насекомые об этом не знали. Они неграмотные. (снова оживление среди публики). Поэтому жесткость пространства, которая проявляется в случае возникновения гравитационных волн большой мощности, позволит это использовать для полетов без реактивной тяги. Это слишком затратно и медленно.

Луна уходит по 3,8 см в год от Земли, но в составе этих сантиметров и вклад гравитационных катастроф: они на доли секунды подмораживают пространство, и Луна отстает от своей орбиты.

Природа все устроила просто и по-философски. Хочешь жить — умей вертеться. Вот черные дыры и крутятся изо всех сил, как и остальные. Если она замедлится до критических оборотов, то баланс сил нарушится. Пока еще считается, что черные дыры вечны. Это пройдет. Они выполняют грандиозную задачу по сбору и переработке вещества снова

в водород — исходную энергию звезд. Они принимают любые атомы без разбору и дробят на элементарные протоны при своем взрыве.

Я прочитаю вам короткое стихотворение про вселенную. Это красиво и просто. Нужно только понять правильно. Когда каждый следующий шаг не труднее предыдущего — это признак правильного пути.

Тиха космическая ночь
Невидимо рентгеном блещет
Галактик, улетевших прочь
И ветерком нейтрино вещих

Мерцанье временное звезд
И тьма в безвременном пространстве
Мелькнет кометы тусклый хвост
И сгинет в бурном постоянстве.

Я завершу свое выступление пожеланием, чтобы наказание не было слишком строгим. Наверное, и на этот раз можно ограничиться предупреждением и клятвой не объяснять хорошенько не подумавши. У меня все! Есть вопросы?

Судья (окидывает взглядом зал и бумаги на столе):

— Видимо, вопросов больше нет. Предполагалось провести очную ставку между истцом и ответчиком, но это уже ничего по существу дела не добавит. В случае обоюдного при-

мирения сторон вы ведь сами разберетесь во всех вопросах?

Физика, Математика и Логика переглянулись и утвердительно кивнули.

Судья исчезает из зала суда. Разговоры постепенно набирают гул и иногда о звездный потолок рикошетят цитаты «А все-таки она вертится!», «Из ничего ничто даже силой богов не творится».

Судья снова материализовался за своим столом с листом бумаги в руках.

«Встать! Суд идет» — провозгласила Секретарь.

Царица наук незаметно сняла корону и спрятала ее за спиной.

Судья:

Суд постановляет следующее: факт распространения ненаучных заблуждений доказан по всем эпизодам. Действие и рассмотрение текущих гипотез подсудимой приостанавливается до окончания ревизии при участии Логики и экспертной поддержки. Мерой наказания избрать публичное признание допущенных ошибок и принесение официальных извинений.

Дело закрыто.

Собрание начало расходиться, обмениваясь мнениями. Многие уже при выходе еще раз оборачивались, чтобы взглянуть на Логику. Как оказалось, ее белый наряд на всех произвел впечатление. Она была изысканно одета в петлю Мебиуса. Именно эта замкнутость и законченность кроя, кото-

рый состоял только из одной стороны без изнанки, так всем понравился. Этот наряд позволял видеть ее целиком.

С большого экрана, теперь уже как старая знакомая, на собрание весело поглядывала Черная Дыра, складывала пальцы сердечком и отвечала помахиванием на приветствия.

Через толпу расходящихся слушателей дела в зал протолкнулся курьер с пачкой корреспонденции и газет. Через минуту судья и Эксперт уже просматривали колонки новостей и свежих объявлений.

На главном развороте особенно бросались в глаза два из них:

«Опорный подшипник для вращения горизонта событий черной дыры со скоростью света. Возникает сразу на месте коллапса звезд любого размера сразу после предоплаты. QR-код со ссылкой на заказ постоянно размещен в созвездии Лебедя.

Технические характеристики:

Цвет — абсолютно черный и не прозрачный.

Ничего не весит

Абсолютно скользкий

Абсолютно твердый.

Нет инерции, нет вибрации.

Не требует смазки и охлаждения.

Износ отсутствует

Испытан Большим Взрывом

Гарантия — вечность.

Защитную пленку не снимать!»

«Срочно! Ликвидация склада!

Распродажа сингулярности. Скидки до 99%!

Некондиция, без документов, без гарантии. Множественные повреждения внешнего вида при неквалифицированной установке и следами кустарной доработки. Модель снята с производства из-за массовых негативных отзывов.

Батарейки в комплект не входят!»

P.S.

«И тогда неслыханное ликование воцарилось среди галактик. И среди черных дыр тоже.» (перефразированная строчка из «Письма ангела-хранителя» Марка Твена в благодарность за его вдохновение и стиль)

Также следует отметить, что материалы дела — это реальная гипотеза, которая содержит подробное описание ошибки математической модели черной дыры и вытекающие из этого последствия. Любой процесс во Вселенной МОЖНО объяснить без участия «темной материи» и всех остальных вымышленных сущностей и виртуальных частиц со «сказочными свойствами» (тахионы, излучение Хокинга, сингулярность и т.п.)

Дмитрий Замышляев. САЛЛИ

Скучно человечеству без новостей. Поверьте мне как журналисту. Человек жаждет сенсаций, скандалов и даже страданий (главное, чтобы страдал не он, конечно). Мой опыт работы в «Кроникл» окончательно убедил меня в том, что обыватель не жаждет спокойствия души и повседневных забот. С надеждой он включает утром свой смартфон, ноутбук, разворачивает утреннюю газету. «Только посмотрю счет матча, дорогая», — врет отец семейства. «Взгляну, какая погода в Колорадо, мы ведь собирались туда на выходные», — лукавит его жена. Щелк! Какое счастье: где-то стреляют, по соседству рухнуло дерево, в Азии (или в Африке) продолжается война, а если в Европе — еще лучше. Приближается ураган, прогнозируют десятки жертв (хвала Господу, не в нашем штате), ограбление, маньяк-одиночка, ну вроде все в порядке. Да, а что я хотел посмотреть — счет или погоду? Да какая разница, «Брюинз» в плей-офф не попадают, а погода всегда одинаковая.

Чего-то не хватает, думает наш обыватель. Не хватает необычного, не хватает чуда. Ну что с того, что известный актер напился и нахамил всем на красной дорожке. Это стресс, с кем не бывает. Президент упал с трапа? Удивили, вот если бы не упал… Сносят заповедник под отель? Боже мой, где?

Не у нас — ну и черт с ним.

А нет ли чего-нибудь сверхъестественного или суперсенсационного? Ну я не знаю: «Астероид приближается к Земле, у вас две недели, покайтесь, грешники!», «Снежный человек в Канаде опять ограбил супермаркет!», «Кольская скважина, русские продолжают бурение в Америку, почему правительство замалчивает?», «Новый вирус из Китая превратил человека в оленя». Люди скажут вам, что не верят таким новостям и смеются над ними. Скажут, что вообще не интересуются сенсациями и не знают, что такое астероид и для чего нужно бурить скважину, не верят в духов и привидений, и «чего только эти газетчики не выдумывают!»

Не слушайте их: верят, любят, ждут, читают. Контекстная реклама не даст соврать.

Поэтому мы, журналисты, необходимы и любимы (или ненавидимы, что по сути своей одно и то же) обществом.

Примерно такую речь произнес мистер Мур перед коллективом «Кроникл», усердно разбавляя ее персональной критикой и яростно размахивая распечатанным отчетом за прошлый квартал. Он требовал дела, он требовал сенсаций, фантазии (но только с фактами), никакой лжи, и «делайте, что хотите, если тираж упадет, пойдете…» — он не стал уточнять адрес. Неудивительно, что я со своим разделом «Невероятное» получил больше всех. Закончив нас потрошить, редактор гордо удалился в свой кабинет, а сотрудники разбрелись по местам, делать Америку лучше (в смысле, ху-

же), поднимать уголовные архивы и шарить по сайтам сумасшедших в надежде зацепиться хоть за какой-нибудь факт.

Мистера Мура побаивались. Он вполне мог отрубить пару-тройку голов, поэтому коллектив несколько встряхнулся, и к следующему номеру картина мира несколько помрачнела, и даже стало как-то тревожно.

Я же сел в свой «Шевроле» и отправился по старым явкам. По каким явкам, спросите вы? Время от времени на мою почту и автоответчик приходят сигналы, как я их называю, о привидениях, монстрах, упавших метеоритах, странных голосах и трехголовых кошках с двумя хвостами. Я старательно фиксирую эти «достоверные» сведения на карте штата, записываю адреса, но в ста процентах случаев это оказывается либо шутка (с юмором у нас в стране проблема), либо бред умалишенного. И тем не менее, я поехал.

Я выбрал городок Трент. Городок — это, конечно, громко сказано. Полторы тысячи жителей, семьдесят пять километров от Рочестера. Естественно, славная история, якобы основан первыми переселенцами, Линкольн проездом, Рейган посадил дерево (зачем посадил и как он нашел Трент на карте — загадка). Понятно, что никаких подтверждений этому нет, кроме памятных табличек и гордости горожан.

Я приближался, время от времени поглядывая на навигатор.

Шоссе оборвалось за три мили до Трента, и началась грунтовая дорога — я бы сказал, дорога из грязи, окруженная с

двух сторон неизвестно откуда взявшимся лесом.

Трент начинал оправдывать мои ожидания. Мобильник перестал работать, вместе с ним и навигатор, не хватало только, чтобы десяток зомби выскочило из-за поворота, но, увы, в наше время такое уже редкость.

Зачем я туда поехал? Дело в том, что именно из этого местечка я получил два сигнала за три года, притом от разных людей. Городок обрел дурную славу из-за так называемого Дома Салли, располагавшегося в миле от его границы. Передам то, что мне изложили в письме и на автоответчике:

Салли — красивая двадцатипятилетняя девушка, жила в 1854 году в своем доме, вместе с родителями. У нее были красивые длинные белые локоны, прекрасные голубые глаза и прочие достоинства, и не было отбоя от женихов. Но вот беда: стоило жениху перешагнуть порог Дома Салли, с ним что-то случалось. На первого упало бревно, второй свалился с лестницы, третий якобы выпал из окна спальни девушки, а последний смельчак упал с коня, уже возвращаясь в Трент с радостным известием, что с ним ничего не случилось. Конечно, все это с летальным исходом. Принеся четыре жертвы, жители Трента, недолго думая (когда вообще мы думаем), прибегли к суду Линча и, ворвавшись в дом, изгнали родителей девушки, а саму Салли якобы повесили в ее же спальне на крюке от люстры (сомневаюсь, что у нее была люстра, ну да ладно).

Вы скажете — бред, и будете правы. Но история имеет

продолжение (я понимаю, что и первой части достаточно для диагноза, но тем не менее). Через три дня в городе был большой праздник, и в самый разгар обвалился деревянный навес, придавив значительную часть видных горожан Трента, участвовавших в «справедливом» суде. Так сказать, месть Салли. Дальше — больше. Было совершено четыре попытки заселиться в дом убиенной девушки. Делали это приезжие люди, и всякий раз они сбегали после первой ночи, проведенной в доме. Хохот, падающая мебель и непонятные звуки в ассортименте. Тогда жители Трента решили сжечь этот дом, но якобы при попытке поджога прямо в человека, державшего факел, неожиданно ударила молния, и Салли записала на свой счет еще одну жертву. Урок был усвоен. Трент оставил в покое Дом Салли. Ни бомжи, ни подростки, напуганные своими предками еще в детстве, даже близко не подходили к дому. Заброшенный, с годами он почему-то не разрушался и выглядел так, словно там кто-то живет. За садом ухаживают, ремонтируют крышу, подкрашивают. По ночам в окнах некоторые видели свет. Жители Трента решили принять все как есть — это Дом Салли, возможно, с привидением. Туда ходить не надо.

Шли годы. Паритет сохранялся. Салли не тревожили. Пока пять лет назад новый мэр, из приезжих, не решил сделать там курортную зону и снести дом, вырубить деревья, построить коттеджи и сдавать их туристам в летний сезон. На общем собрании все, кроме мэра, проголосовали против этой

идеи. Мэр, искренне недоумевая, предпринял обходный маневр и вложился в проект через посредника, что, конечно, было противозаконно, но не очень. В Трент прибыла колонна строительной техники. Но за день до старта работ на стоянке случился пожар, и техника (предварительно облитая бензином) сгорела. Мэр, кстати, был арестован федеральными властями через день. При чем тут Салли? В общем-то, не при чем, но свидетели якобы слышали жуткий смех перед поджогом. Кроме того, злые языки утверждают, что именно Салли подбросила федералам документы о махинациях мэра — по крайней мере, почтальон утверждал, что на конверте стоял обратный адрес: Торфяная дорога, Дом Салли.

Я решил побывать в этом доме, сфотографировать его, потолковать с жителями Трента, ну и попробовать выдать что-нибудь «сверхъестественное» в своей колонке. Не самая умная мысль, понимаю, но попытка не пытка. Ведь что-то из вышеизложенного бреда могло опираться на реальные события? Вполне, решил я, въезжая в город. «Добро пожаловать в Трент! — радостно встречала меня вывеска, — 1532 жителя». Какой-то шутник зачеркнул последнюю цифру и поставил вместо двойки единицу. Неплохо для начала, решил я и припарковался возле мотеля.

Мотель, старый, обшарпанный, естественно, назывался «Парадайз», любимое название такого рода заведений. Хозяин, по виду — ровесник Салли, мистер Шнайдер, был как раз первым, кто сообщил мне об этой удивительной истории.

Тем не менее, встретил он меня не очень благосклонно.

Выслушав мои излияния о том, что я, Сид Мейер, журналист из Рочестера, очень благодарен ему за историю и намерен написать статью о Доме Салли, и, пожалуй, остановлюсь в его прекрасном сарае (мотеле) на пару дней, он буркнул в ответ:

— Триста долларов.

— А, э… мистер Шнайдер, не дорого?

Он посмотрел на мой «Ролекс» и добавил:

— И сто долларов депозит.

Его лицо, в морщинах, мрачное и отстраненное, ничего не выражало, то ли он спал с открытыми глазами, то ли уже давно умер и притворялся живым.

— Машину мыть? — он жестом показал на грязный по самые уши «Шевроле».

— Сколько? — обреченно спросил я.

— Пятьдесят долларов.

— У вас прекрасная ценовая политика, — сказал я, — надеюсь, все постояльцы довольны?

— Никого нет. Вы единственный, мистер Мейер.

— Боятся Салли? — сострил я.

Он медленно поднял голову и уставился на меня.

— Не знаю. Здесь редко бывают гости. Я вообще не люблю чужаков.

— Но вы же хозяин мотеля.

— Ну и что?

Дальнейший разговор на эту тему выглядел бессмысленным.

— Ваш ключ, — сказал Шнайдер, и брелок загремел по стойке.

— Проводите меня завтра к Дому Салли? — спросил я

— Нет, — коротко ответил он.

— Зачем же вы тогда написали мне об этой истории?

— Вы журналист. Думал, состряпаете статью, да и подкинете мне пару баксов. Ну вот, вы и подкинули, — сказал он, сворачивая четыреста пятьдесят моих кровных долларов и убирая их в карман. — А дальше сами. Завтрак с восьми, в закусочной напротив, — закончил он и удалился.

«Да, начало не из лучших», — подумал я и пошел в номер, ожидая увидеть ободранные обои и матрас на полу. Но нет.

Комната выглядела лучше, чем мотель и его хозяин. Чисто, скромно, но все необходимое в наличии.

Я решил отложить все проблемы до утра и выспаться.

Вторым моим источником в этом деле была некая миссис Шнайдер, по странному стечению обстоятельств оказавшаяся женой мистера Шнайдера, удивительное совпадение. Однако жила она отдельно в центре Трента, недалеко от мэрии.

Пожилая дама оказалась полной противоположностью своему бывшему, как выяснилось, мужу и радушно приветствовала меня.

— Вы должны простить Джона, у него несносный характер, да и жизнь выдалась нелегкой. Даже мне с ним трудно

совладать. Но в душе он человек хороший. Конечно, я покажу вам Дом Салли, да и с ней самой познакомлю.

— То есть, как?

— Салли говорит со мной. Думаю, она будет не прочь поболтать и с молодым человеком. Как я рада, мистер Мейер, что вы откликнулись на мою просьбу. Салли так давно уже не общалась с молодыми людьми, — и старушка хитро подмигнула мне.

Я вспомнил о бревне, выпавшем из окна женихе и так далее и слегка поежился.

— А как же эти страшные истории… — начал было я.

— Ну перестаньте, мистер Мейер, чего только люди не выдумывают, — она вздохнула, — а если хотите узнать всю правду, Салли вам все расскажет.

— Расскажет?

— Конечно. Ну… — она сделала загадочную паузу, — если вы ей понравитесь.

Мне захотелось сесть в машину и уехать. Глупо, конечно. Но все же.

Мы договорились с миссис Шнайдер на шесть часов вечера, и я решил немного погулять по Тренту и поспрашивать прохожих о загадочном Доме.

Ощущение, что я попал в обитель проклятых. Каждый второй втягивал голову в плечи и молча удалялся. Молодые люди врали, что ничего не слышали об этом. Священник буркнул что-то о кознях дьявола. Рабочий, красивший фа-

сад здания, после вопроса о Салли упал с лестницы и больно ушибся, мне даже пришлось спасаться от него бегством. Странная атмосфера стояла в этом городке. Полицейский, которого я встретил у остатков сгоревшей пожарной каланчи, сказал мне, что если я продолжу мучить горожан расспросами, то он оштрафует меня и вышлет из округа. На меня, дескать, уже поступили жалобы. На мой вопрос, что он сам думает по этому поводу, он потянулся за квитанцией для штрафа, и я поспешил ретироваться. Единственным человеком, спокойно ответившим мне на вопрос, был владелец аптеки, китаец:

— Я переехал сюда полгода назад, сэр, и плохо говорю по-английски. Вам дать что-нибудь от головы?

Это был самый адекватный ответ, который я получил.

Забрав свой плохо помытый (за пятьдесят долларов!) «Шевроле», я в шесть заехал за миссис Шнайдер, и мы отправились к Дому Салли. Она была заправским штурманом, и без нее я этот артефакт никогда бы не нашел. Мы въехали в лес, развернулись у какой-то свалки, перемахнули через заброшенный железнодорожный переезд, еще раз развернулись, попали в низину с водой и снова оказались на узкой дорожке, покрытой щебенкой и торфом. Проехав с четверть мили, мы уперлись в упавшее дерево. Миссис Шнайдер сказала, что осталось недалеко и вполне можно дойти пешком. Мне не очень хотелось оставлять машину в столь дружелюбном месте, и я с помощью лебедки и троса, потратив минут

двадцать, освободил дорогу. Через десять минут осторожной езды по Торфяной дороге, как гласила вывеска, приколоченная на одной из сосен, «Шевроле» выехал на подъездную дорожку Дома Салли.

Вам, наверное, часто приходилось видеть в фильмах дом с привидениями или читать его описание. «Мрачный старый особняк с покосившейся от времени крышей угрожающе смотрел пустыми глазницами окон. Блеснула молния и…». Забудьте. Что же я увидел?

Красивый двухэтажный дом с башенкой, как в небольшом замке, аккуратный, ухоженный, покрашен в темно-серый цвет, причем явно недавно. Пара хозяйственных построек. Окна целы, занавески темно-зеленого цвета плотно закрыты. В башне и мансардных окнах горит свет. Он был похож на жилище девятнадцатого века, но находился в прекрасном состоянии. Подъездная дорожка — чистая, к дому через двор вела тропинка, по обеим сторонам которой были разбиты клумбы, альпийские горки. За всем этим чувствовалась рука хозяйки или хозяев. Здесь отнюдь не было мрачно, над крыльцом качалось несколько китайских фонариков. Кто бы ни была Салли, она любила цветы, в ее жилье было электричество (хотя проводов я не видел). Скажу так — это был внешне самый уютный особняк из всех, что я видел в Тренте и его окрестностях.

— Это Салли так ухаживает за домом? — спросил я у миссис Шнайдер, сделав несколько снимков.

— Конечно. Она трудолюбивая девушка, — ответила моя провожатая, — идемте внутрь.

— А она, — кивнул я в сторону дома, — знает, что мы придем?

— Салли все знает, — ответила старушка и стала подниматься на крыльцо.

«Так, на первого жениха свалилось бревно», — вспомнил я и посмотрел вверх. Козырек над крыльцом был сделан из черепицы пряничного цвета и никак не должен был упасть.

Я начал подниматься по ступенькам. «Второй упал с лестницы, — мелькнуло у меня в голове, — наверное, внутри, это же не лестница» — тут я чуть не споткнулся, но все обошлось. Дверь была не заперта, и миссис Шнайдер прошла первой. Я последовал за ней.

Ну и первой мыслью, когда я вошел, было:

— Я идиот, что сюда приехал.

Включился свет, осветив первый этаж, (вероятно, датчик движения, теперь все призраки им пользуются). Это был зал или столовая. На стене висел телевизор с плоским экраном (а как без этого). Мебель, правда, была не из «Икеи», она выглядела старинной или изготовленной под старину. В южной стене приветливо потрескивал камин. Несколько шкафов с книгами — я не успел разглядеть, с какими, на полу — ковровое покрытие, и явно не девятнадцатого века. Посередине — большой круглый стол с ажурным подсвечником. Учитывая наличие потолочных светильников, это выглядело

анахронизмом. Несколько стульев и кресел из итальянского ореха удачно дополняли интерьер. На второй этаж уходила крутая лестница, на вид очень добротная, но я охотно поверил бы, что с нее можно навернуться.

— Садитесь за стол, мистер Мейер, — сказала миссис Шнайдер, — чтобы подняться наверх или увидеть Салли, надо поговорить с ней и получить ее разрешение.

— А вам не кажется это странным? — спросил я, указывая на плоский экран телевизора и прочую современную начинку.

— Ну а почему девочка должна жить в окружении рухляди? — лукаво улыбаясь, ответила миссис Шнайдер.

Я решил не спорить.

— Что дальше?

— Терпение, мистер Сид Мейер, — проскрипел знакомый хриплый голос, и входная дверь оглушительно хлопнула. Я подскочил в своем кресле.

— Это Джон, — пояснила миссис Шнайдер, — нам необходим еще один человек для разговора с Салли.

Действительно, в дом вошел мрачный Джон Шнайдер, вежливо не поздоровавшись со своей женой, пусть и бывшей.

— Незачем было так хлопать дверью, где твои манеры?

— А их и не было, — мрачно хохотнул старик, опускаясь в кресло рядом с женой (я засомневался, бывшей ли).

Если эта пара меня разыгрывает, интересно, что они будут

делать дальше.

Миссис Шнайдер зажгла свечи, и свет тотчас же погас (просто чудо).

— У нас будет спиритический сеанс? — осведомился я.

— Ага, — по-прежнему мрачно отозвался хозяин мотеля, — а я буду ногой толкать стол, изображая ответы призраков, — и он громко расхохотался.

— Уймись, Джон, в конце концов! — рявкнула на него миссис Шнайдер. — Нет, мистер Мейер, одну минуту.

— Да, — продолжил Джон, — она ж у нас медиум, сейчас в транс войдет, — и тут же, получив чувствительный пинок под столом, он замолчал.

Наконец воцарилась тишина. Горели свечи, и, кроме потрескивания камина и тихого шума ветра в дымоходе, не было слышно никаких звуков.

— Повторяйте за нами, — шепнула миссис Шнайдер:

— Добрый вечер, Салли! — в унисон, словно после долгой тренировки, сказали супруги.

— Добрый вечер, Салли! — повторил я и с удивлением почувствовал волнение.

— Здесь мистер Сид Мейер, он прибыл издалека, чтобы познакомиться с тобой, — внезапно мягким, каким-то отеческим голосом сказал Джон Шнайдер.

Я открыл рот…

— Этого не надо повторять, — мрачно шепнул старик, глядя на меня, как на идиота.

— Он готов поклясться, что не обидит тебя и не имеет злых намерений, — продолжила его жена.

— Выйди к нам, Салли, — сказали Шнайдеры и кивнули мне.

Я повторил.

Повисла тишина.

Прошло около тридцати секунд.

— Что она, в наушниках там сидит? — с досадой прошептал мистер Шнайдер.

— Еще раз! — скомандовала его супруга.

— Выйди к нам, Салли! — в этот раз мы грянули хором.

— Добрый вечер, — раздался приятный женский голос, — добро пожаловать, мистер Мейер!

Я молчал. Шнайдеры смотрели на меня, как бы напоминая, что вообще-то я тут заинтересованное лицо — журналист, предлагая мне как-то проявить себя.

Я собрался с мыслями. Даже если это и обман (в чем я был почти уверен), не дело сидеть и молчать, не отвечая девушке. В конце концов, это невежливо.

— Вы можете звать меня просто Сид, — наконец выдавил я из себя.

— Хорошо, — ответил голос откуда-то сверху.

— Могу я подняться к вам?

Салли задумалась.

— Миссис Шнайдер, — спросила она, — Сид — симпатичный, на ваш взгляд?

— На мой взгляд — очень, Салли, — ответила старушка.

Джон Шнайдер закатил глаза при этих словах, но промолчал.

— Я сама посмотрю, — весело сказала Салли, и дальше случилось то, чего я не ожидал.

Сверху в столовую влетела девушка с прекрасными длинными белыми волосами. Сделав несколько кругов, она плавно опустилась у стола, напротив меня. Ее глаза были голубыми, лицо бледным, но живым — по крайней мере, наполненным жизнью, красивым и каким-то трогательным. Она внимательно посмотрела мне в глаза и заулыбалась. На Салли или ее призраке было изящное розовое платье. Парила в воздухе она легко, не оставляя расплывающегося следа. Легко и бесшумно взлетев наверх, она позвала:

— Поднимайтесь, Сид! Только осторожно, лестница крутая, — и она засмеялась.

— Да, — задумчиво сказал хозяин мотеля, — один както раз поднимался…

— Спасибо, я в курсе.

Миссис Шнайдер протянула мне подсвечник.

Я пошел вверх. Что я только что видел и куда иду? Опыт подсказывал во всем и всегда искать рациональное объяснение, признаки обмана, но пока я их не видел, и, откровенно говоря, мне очень понравилась Салли. Было в ней что-то такое, чего не хотелось терять.

Итак, я поднялся в ее комнату. И замер. Компьютер с дву-

мя мониторами, принтер, ноутбук, акустическая система — все это говорило о том, что наш призрак интересуется современными технологиями. Свечи контрастировали с этой обстановкой. Стол, на котором были бережно разложены чертежи и распечатки, хранил следы недавней напряженной работы.

— Присаживайся, Сид, — пригласила меня парящая в воздухе девушка и сама опустилась в кресло напротив, — о чем ты хотел спросить? У тебя лицо, словно ты увидел привидение, — улыбнулась она.

Я оценил ее юмор, но тем не менее спросил:

— Прошу прощения, Салли, но как такое возможно? Твоя комната больше похожа на офис инженера-конструктора, только 3D-моделей не хватает.

— Они у меня на жестком диске. Двадцать первый век все-таки, — ответила Салли. — Я понимаю, ты ожидал увидеть старинный особняк и полуразложившийся скелет в обстановке бардака и тлена, который летает по дому, воет и требует отмщения?

— Ну да, — вырвалось у меня (вот зачем я так ответил? Сейчас выйду из окна, как тот персонаж из 1854-го).

— Ты смешной, Сид. Люди вообще делятся на два типа: злые и смешные. Вторые мне нравятся больше.

Я облегченно вздохнул.

— Если тебе интересно, я люблю точные науки, проектирование — не буду тебе рассказывать, в какой сфере — но

у меня не тот характер, чтобы греметь цепями в холодной нише. И да, мне нравится ухаживать за домом, делать все своими руками.

— Хорошо, я понял (ничего я не понял, ну да ладно). Можно спросить тебя об этой мрачной истории 1854 года?

Девушка перестала улыбаться, но только на мгновение.

— Конечно, — просто ответила она, — можешь не спрашивать. Я сама тебе расскажу. Хотя миссис Шнайдер и Джон уже писали тебе об этом.

— Да, якобы тебя повесили, прошу прощения (как же неудобно мне было это говорить).

— Да, в 1854 году молодых людей из Трента вдруг всех потянуло ко мне свататься.

— Неудивительно, — сказал я, — ты очень красива.

— Спасибо, Сид. Не надо, ты заставляешь меня чувствовать себя неловко, — интересно, что ее бледное лицо действительно слегка покраснело, — так вот, в Тренте странные традиции. Перед тем как идти делать предложения, нужно обязательно напиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.